

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

12 февраля 2020 г.

№ 364

3 АКСИО-9. ОБ ОДНОМ ИЗВЕСТНОМ ЗАКОНОПРОЕКТЕ. РАЗВЯЗКА

Вызывает колоссальное изумление тот факт, что и авторы, и сторонники законопроекта, в названии которого есть слово «насилие», не дали себе труд по-настоящему исследовать вопрос о том, что это такое

15 КАК ВЛАСОВЦЫ «ПРАГУ СПАСАЛИ», ИЛИ «НЕУЛОВИМЫЕ КОВБОИ ДЖО» ИЗ РОА. ОКОНЧАНИЕ

Шкурники, прикрывавшиеся громкими словами, презираемые своими германскими хозяевами и не способные решительно ни на какие действия, сопряженные с необходимостью пожертвовать чем-либо, кроме собственной чести и человеческого достоинства...

Сложить голову по своему желанию можно только за что-то другое, в чем должны быть сплетены воедино настоящие земные чаяния (земли, справедливости и так далее) и какие-то невнятные, но могучие мессианские ожидания, именуемые хилиастическими. То есть пронизывающие народ мечтания о царстве божьем на земле

О коммунизме и марксизме — 151

Есть мировоззренческие подходы, которые полностью обосновать невозможно. Потому что любое обоснование осуществляется с задействованием тех или иных средств. А каковы бы ни были эти средства, они всегда могут быть оспорены в части так называемой объективности. Да и возможна ли вообще объективность в том, что касается обоснования таких зыбких, при всей их важности, построений, как тот или иной мировоззренческий подход?

Поэтому я свой подход не буду обосновывать на уровне тех или иных высококолых и всегда проблематичных интеллектуальных построений. Я обосную его, с одной стороны, фактами, а с другой стороны — тем, что называется «интуицией будущего».

На уровне фактов все мы не можем не ощущать особой роли России и русского мессианства в том, что касается реального коммунизма и марксизма. В случае, если, конечно, мы рассматриваем реальный коммунизм и марксизм не как абстракцию, а как то, что реализовано в политической практике.

Маркс и впрямь без Ленина, Сталина, Великой Октябрьской социалистической революции, создания СССР и так далее оказался бы просто одним из гениальных мудрецов, чьи произведения изучаются в ведущих университетах мира. Кстати, после крушения СССР он и стал таковым. Его тщательно изучают в ведущих университетах мира. Его даже в большей степени, чем при существовании СССР, почитают на Западе. Хотя бы потому, что отпала необходимость бороться с советским марксизмом.

Поэтому реальный марксизм и реальный коммунизм неразрывно связаны с Россией, осуществившей Великую Октябрьскую социалистическую революцию и создавшей на руинах Российской Империи новое государство, превратившееся после разгрома нацизма в полноценную сверхдержаву. Притом что Российская Империя на статус такой сверхдержавы в общем-то не тянула.

Такая неразрывная связь бесспорна для всех. Гораздо менее бесспорно для всех то, что в смысле коммунистическо-марксистского государственного и общественного устройства единственным настоящим, то есть оригинальным и органическим, было

то, что явил СССР в виде советского образа жизни и советского государства.

Найдется много желающих оспорить это мое утверждение, указав на существующие и поныне коммунистические государства Азии (Китай, Вьетнам и так далее), а также на существующую и поныне Кубу. Но если говорить о схватывании существа дела, то все эти жизнеспособные как бы коммунистические государства, сколько бы они ни продолжали настаивать на своей верности коммунизму и марксизму (а они, в общем-то, не очень по этой части стараются), на деле являются чем-то другим. Они являются продуктами национально-освободительной борьбы, которая в силу определенных обстоятельств велась под красным флагом.

Названные выше государства, сколь бы эффективными они ни стали сейчас, а Китай — это очень эффективное государство, все равно начинали свое движение в направлении, заданном как бы коммунистическими революциями, ориентируясь на избавление от различных модификаций колониального ига. Необходимость избавления от такого ига была очень мощным стимулом. Это на уровне схватывания могут ощутить только те, кто пережил колониальную мерзость. Народы, пережившие колониализм и яростно восставшие против него, очень ценили полученное в результате радикальной деколонизации. А поскольку они получили это, ориентируясь на СССР, получая от СССР поддержку и соединяя эту поддержку с собственной ориентацией на азиатский традиционализм, то в результате деколонизации возник мощный сплав из как бы коммунистическо-марксистской доктринальности и движения в направлении всё большего преодоления реликтов колониализма. Этот сплав и есть китайская, вьетнамская, кубинская условная коммунистичность.

Такая коммунистичность оказалась устойчивой и после краха СССР, потому что в ней была своя антиколониальная органика. А также органика соединения антиколониального движения с коммунистическими веяниями, источником которых был Советский Союз. Крах Советского Союза уже не мог сокрушить эту органику. Но он привел к достаточно быстрому освобождению от того общественно-го-

сударственного устройства, которое можно назвать сколь-нибудь оригинальным, по-настоящему альтернативным западному капитализму. И в Китае, и во Вьетнаме, и на Кубе после краха СССР быстренько возник некий госкапитализм с умеренным псевдокрасным декором, который достаточно быстро превращался в нечто формальное. Оговорюсь, что формальное в Азии и в Латинской Америке, да и в традиционных обществах вообще не является полностью выморочным: традиционные общества почитают формальный компонент, они ориентируются на него. Не более и не менее того.

Если вы приедете в крупный вьетнамский город, в тот же кубинский Сантьяго или тем более... не скажу в Шанхай, который по сути полностью капиталистичен, а в какой-нибудь Пекин или Ханчжоу, то вы увидите всё сразу: и бережное отношение к великой китайской традиции, и уважительную минимизацию коммунистичности, и капиталистический рыночный мир, размещенный внутри всего — и формальной коммунистичности, и великой китайской традиции. Всё это производит сильное впечатление, но к коммунизму и марксизму никакого отношения не имеет.

Я не скажу, что никакого отношения к коммунизму и марксизму не имеет, например, маоизм. Напротив, маоизм — это интереснейшая форма развития марксизма и коммунизма, которую надо изучать.

Но, во-первых, современный Китай уже не имеет никакого отношения к маоизму. И это очевидно всем, кто даже минимально знаком с китайской реальной современностью.

А во-вторых, сам маоизм, конечно, очень вторичен по отношению к советскому коммунизму в его ленинско-сталинском варианте.

Итак, никогда ни в коммунистическом Китае эпохи расцвета китайской коммунистичности, ни в других азиатских коммунистических странах той же эпохи расцвета коммунистичности не было чего-то реально конкурентного западному продвинутому миру. В этих странах коммунистичность в эпоху ее расцвета имела антиколониальный характер, а также характер

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

сдержанной имитационности по отношению к тому, что предлагал СССР. А когда СССР рухнул, то имитировать стали Запад, с достоинством сохраняя коммунистическую формальность и возвеличивая национальные традиции.

Между тем китайский, вьетнамский, кубинский коммунизм — это отнюдь не самое нежизнеспособное из того, что порождено коммунистической эпохой. Самым нежизнеспособным было то, что породил Советский Союз в Восточной Европе. Не могу опять-таки сказать, что в Восточной Европе не было настоящих приверженцев коммунизма. Их было очень много. Это были достойные, мужественные люди. По степени верности коммунизму те же немцы из ГДР, например, были на порядок выше позднесоветской номенклатуры. Но образ жизни в восточноевропейских странах так называемого социалистического лагеря был полностью скопирован с того, что имелось в СССР. И это были плохие, то есть неорганические, бескорневые копии с советского оригинала.

То, насколько они были плохие, явствует из того, как они рухнули. А также из того, что в отличие от них азиатские и латиноамериканские условные копии, имевшие и имеющие собственную — антиколониальную и традиционалистскую — почву, не рухнули. Но — оговорю еще раз — не рухнув, необратимым образом скукожились. Потому что никакая существенной потребности противостоять западному устройству, западной рыночной жизни, западному потребительству и так далее у азиатских или латиноамериканских псевдокоммунистических обществ не было.

А у Советского Союза и советского коммунизма эта претензия была. Она имела абсолютный, то есть мироустроительный характер. Она состояла в том, чтобы построить жизнь принципиально иначе, качественно иначе, чем на Западе. И в этом было одинокое величие Советского Союза и советского коммунизма. Притом что такое величие, при всем огромном уважении к вкладу других народов СССР, является, конечно же, русским.

Итак, мой тезис № 1. Настоящий, живой, альтернативный Западу со всеми его прибабахами: рынком, потребительством и так далее — интересный, оригинальный коммунизм и марксизм, реализованный на государственной и общественной практике, — это советский коммунизм, то есть советская государственность и советский образ жизни. Я не берусь это называть советской цивилизацией, потому что цивилизация, если понимать ее по Шпенглеру, Тойнби, Данилевскому, — это мир, претендующий на всечеловеческий охват. А СССР и советский коммунизм на такой охват, безусловно, претендовали. Цивилизации могут создавать державы. Они и создаются, и поддерживаются державами. Но цивилизации не могут создавать сверхдержавы — их создает нечто большее. Это большее можно назвать метацивилизациями или позитивными империями (если империи понимать как наднациональные идеократические государства, то СССР, конечно, был красной империей). Как бы то ни было, единственный конкурентоспособный Западу, индустриально развитый, оригинальный, благой образ жизни, превращающий коммунистическую утопию в реальность, — это советский образ жизни. Нет этого образа жизни — нет никакого марксизма и коммунизма как реальности. А говорить о марксизме и коммунизме вообще — значит впустую сотрясать воздух. Это можно делать до бесконечности и в самых разных модификациях, одинаково не имеющих никакого фундаментального смысла.

Тезис № 2 полностью следует из тезиса № 1. Если единственный оригинальный, ценный, масштабный, всемирно-исторически значимый, фундаментально отличный от западного губительного потребитель-

ства, индустриально продвинутой, культурно своеобразный коммунизм — это советский коммунизм, то истоком коммунизма при таком его понимании является русский дух и русский коммунизм. В этом нет ничего унижительного для других народов СССР, вносящих свою лепту в данный мегапроект, который мог спасти человечество от того, что наползает после его краха.

А значит, когда мы изучаем некое уникальное мировоззренческо-культурное наследие, органически включающее в себя Радищева, Белинского, Чернышевского, русскую антизападную по духу культуру во всех ее вариантах (пушкинском, лермонтовском, тютчевском, толстовском, чеховском и так далее), когда мы изучаем русских космистов и софиологов, когда мы изучаем всё остальное великое русское альтернативное, не принимающее западного диктата, основанного на мещанстве в его герценовском понимании, когда мы изучаем Ленина, Сталина, Богданова, Луначарского, когда мы это всё связываем с Марксом, — мы изучаем **единственный настоящий метатекст** под названием «великая трагическая марксистско-коммунистическая реальность». И никаких других настоящих метатекстов под названием «полноценная реальность марксизма и коммунизма» просто не существует.

Всё остальное — это просто тексты. А что такое тексты? В еврейском анекдоте про это говорится достаточно емко. Мол, Карл Маркс — это просто экономист, а наша тетя Сара — старший экономист.

Что мы хотим изучать? Великий советский и, значит, русский метатекст под названием коммунистическая реальность в его сопряжении с различными гениальными текстами? Или сами тексты?

Как только мы начинаем изучать просто тексты, предмет изучения бесконечно расплывается и одновременно скукоживается. Только изучая вместе тексты и метатексты, можно добраться до чего-то по-настоящему ценного и устремленного в будущее. Но как только ты добираться до этого, то оказывается, что то, до чего ты добрался, именуется «русское мессианство».

В 1960-е годы моя мать, видный советский филолог, обратила мое внимание на то, что у Солженицына «В круге первом» есть последняя глава, которая называется «Мясо». А завершается эта глава тем, что заключенных везут в машине с надписями «мясо» на нескольких языках. И иностранный корреспондент записывает в своем блокноте темно-бордовой ручкой: «На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные. Нельзя не признать снабжение столицы превосходным». Так кончается книга.

Зачитав мне эту концовку, мать сказала: «Большая часть советских граждан знает, что заключенных везли в фургонах, на которых было написано не «мясо», а «хлеб». Но если бы Солженицын отразил эту правду, то концовки бы не было. А суть концовки в том, что западные журналисты недостойным образом преувеличивают достоинства СССР. Эта концовка нужна для формирования определенных образов в сознании западного читателя. И Солженицыну наплевать на то, что при этом происходит в сознании иных целевых аудиторий. Тем более, что они достаточно всеядны».

Задолго до Солженицына ровно такой же работой по формированию образов в сознании западного читателя занимался русский религиозный и политический философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

По мне, так настоящими философами, которые по определению должны быть оригинальными, ибо настоящая философия иного не терпит, являются Маркс и Ленин. А Бердяев не настоящий философ, а некий русский вариант классического немецкого профессора, преподающего философию в университете и в силу этого

являющегося антифилософом. Такая моя оценка никак не связана с отношением Бердяева к коммунизму.

Ну так вот, Бердяев тоже пытался подчеркнуть русскость того коммунизма, который столь впечатлил Запад после победы Великой Октябрьской социалистической революции и успехов советского социалистического строительства. Но Бердяев делал это, во-первых, всеуменьшительно, а во-вторых, с очевидной ориентацией на западного читателя. Об этом говорит хотя бы то, что книга Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» была издана на немецком в 1938 году (интересная дата, не правда ли?), а на русском — аж в 1955-м. Так что и тут мы имеем дело с фургонами, на которых написано «мясо», только в их философском, а не буквальном варианте.

В своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», очевидным образом адресованной западному читателю, Бердяев пытался убедить этого читателя в том, что русский коммунизм есть по сути малая величина, не имеющая никакого отношения к большой величине под названием коммунизм как таковой. Мол, вы-то думаете, что русские являются частью великого мирового потока, а они местечково самодостаточны.

Заказ был очевиден. Всеуменьшительность такой редукции, осуществленной Бердяевым, вытекала из существа заказа. Бердяев очень упрощал всё на свете. И истоки русского коммунизма, и его смысл. Он упрощал всё это до комикса, до кондового антисоветского агитпропа.

А те, кто, в отличие от Бердяева, говорили о всемирности коммунизма и ущербности его русско-советской редакции, осуществляли фактически то же самое, но диаметрально противоположным образом.

На самом деле, по моему глубокому убеждению, русскость настоящего коммунизма и марксизма, укорененного в реальности (она же — СССР и советский образ жизни), никак не имеет уменьшительного характера. Она вполне сочетается с всемирностью марксизма и коммунизма. Просто сошлись две всемирности: марксистско-коммунистическая и русская. И в точке схода этих двух всемирностей родились СССР и советский коммунизм. Обсуждать это в отрыве от Маркса или Ленина — глупо. Но низводить всё это к данным текстам тоже глупо. Потому что, повторяю, есть метатекст под названием «реальность». И только соединение метатекста с текстом позволяет понять масштаб и смысл марксизма и коммунизма. А также то, насколько этот масштаб и смысл устремлены в общечеловеческое будущее.

В этом смысле данное исследование является а) противодействием недопущению умалению русского коммунизма и б) недопущением игнорирования решающего вклада именно этого коммунизма в то великое всемирно-историческое дело, которым являются СССР и советский образ жизни как единственное, что полноценно и оригинально противостоит западной далеко идущей дегуманизации человечества.

Но если это так, и если именно такое рассмотрение может что-то нам поведать о будущем, то мессианскую русскую накаленную мечтательность нельзя сводить даже к тому, что мною перечислено выше. Если марксизм и коммунизм как реальность прочно сопряжены с этой русской мессианской накаленной мечтательностью, то такое сопряжение в принципе не может миновать некоего предельного момента в том, что касается этой мессианской накаленной мечтательности.

Таковыми же, безусловно, являются и мечта о царстве божьем на земле, и всё то, что наполняет реальным содержанием такую мечту. А наполнять ее реальным содержанием, коль скоро речь идет аж о царстве божьем на земле, а не просто о царстве сколь угодно желанной и сколь угодно значимой справедливости, может только нечто, связанное с масштабней-

шим и фактически немислимым проектом победы над всей и всяческой смертью. Ибо если в царстве божьем на земле не будет утверждена такая победа, то оно божьим именоваться не сможет. А мечта-то состоит именно в том, чтобы оно было божьим. И при этом обязательно на земле.

Насколько именно эта мечта была важна для победы русского марксизма и коммунизма?

Ответ на этот вопрос требует анализа тех реальных движущих сил, которые обеспечили эту победу.

Принято говорить о том, что ее обеспечил пролетариат, то есть рабочий класс, хотя этот класс и составлял меньшинство населения.

Что ж, пролетариат действительно решающим образом содействовал победе самой социалистической революции. И внес огромную лепту в то, что силы этой революции победили в Гражданской войне.

Революция произошла в Петрограде. И ее движущей силой были пролетарии Питера. Все остальные слои населения просто приняли к сведению — с разной степенью активности и разным отношением к случившемуся — то, что произошло в Петрограде. Поэтому питерский пролетариат можно по праву считать наряду с революционными военными главной силой, обеспечившей победу самой революции.

Но при всей значимости этой победы она сама по себе ничего еще не оформляла по-настоящему. Потому что настоящее оформление связано с победой в Гражданской войне. И тут что русская революция 1917 года, что французская революция 1789 года.

Старый мир никогда не сдастся без боя. И всегда — по крайней мере в двух вышеперечисленных случаях — новому миру приходится отстаивать свое право на существование не только в войне с внутренними врагами, но и в войне с врагами внешними.

С одной стороны, мощь таких врагов (в советском случае — сначала Германии, а потом Антанты) резко усиливает шансы противников революции. Но с другой стороны, патристические умонастроения всегда приводят в стан революции те силы, которые не могут вынести союза представителей собственного класса с иноземцами. Так это было во Франции в 1789 году. Так это было и в эпоху становления советского государства.

Созданная большевиками Красная Армия сумела победить и внутреннего врага, и врага внешнего. В победе над внешним врагом решающую роль сыграла коммунистическая идеология. Потому что именно она сначала породила революцию 1918 года в Германии, а потом такие настроения на Западе, которые в конечном итоге потребовали от Антанты и ухода с территории Советской России, и заключения с большевиками очень рыхлых и двусмысленных компромиссов.

Но каков был состав Красной Армии? Была ли она решающим образом пролетарской? Конечно же, нет. Это была по преимуществу крестьянская армия. Которая никогда бы не выиграла, если бы пролетариат не поставил ей оружие, производимое на крупных заводах, находившихся на подконтрольных большевикам территориях, если бы это оружие не подвозилось в нужные места железнодорожниками и так далее. Поэтому во всем, что касалось очень немаловажного снабжения Красной Армии вооружением, пролетариат сыграл решающую роль. Но ведь вооружения мало. Его кто-то должен взять в руки и пойти в бой. И этот «кто-то» в той России — только крестьянство. Оно-то и решило исход Гражданской войны.

А что вдохновляло крестьянство на поддержку большевиков? Считается, что это вдохновение крестьянство черпало из радикальнейшей земельной реформы, отечавшей интересам наиболее беднейшего крестьянства. Но могла ли эта наиважнейшая

НАША ВОЙНА

реформа, без которой большевики бы, конечно, провалились, сама по себе породить крестьянскую красноармейскую жертвенность? Нет, конечно.

Великая Отечественная война является фантастическим свидетельством силы советского духа и советской государственности. Но это была уже война, на которую шли по повесткам, в обязательном порядке. Конечно, этот обязательный порядок не требовал никакого героизма, а героизм был. Но административная советская машина уже работала. И эту работу никоим образом нельзя снимать со счетов. Именно ее сочетание с массовым героизмом и дало фантастический результат. Плюс величие советских индустриальных реформ.

Но если посмотреть кинохронику Великой Отечественной войны, то бросается в глаза, что огромная советская армия, сломавшая хребет нацизму, всё равно по преимуществу была крестьянской. Да, этой армии дали современное оружие в огромном количестве, в чем и состоял подвиг индустриализации. Но это оружие волокли на себе крестьяне. Они сложили костяк даже той Красной Армии, которая победила фашизм в 1945 году. Что уж говорить о Красной Армии 1918–1920 годов! Она-то была уж совсем крестьянской. И что должно было побуждать крестьянина идти на эту войну?

В одной из песен Гражданской войны поется:

*По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.*

Каких коней подымали крестьяне? Своих! А что такое конь для бедного крестьянина? Это — всё! Разве этого крестьянина можно было заставить оседлать коня и скакать на противника, понимая, что, скорее всего, конь окажется потерян, а будет ли приобретен другой — неизвестно. Кто его мог заставить в 1918 году? Некий аппарат, аналогичный сталинскому аппарату 1941–45 годов? Да не было такого аппарата! Крестьянин пришел с Первой мировой войны усталый. Он получил землю. Почему он должен идти снова на Гражданскую войну? Он землю хочет пахать. Ан нет, он седлает коня, жена цепляется за стремя, воеет, говорит «ты нас на голод обрекаешь». А он куда-то скачет — с тем, чтобы сложить голову. За что? За эту землю?

Ну в каком-то смысле и за нее. Но только ли за нее? Толку ли сложить голову за землю, которую надо пахать? Сложить голову по своему желанию можно только за что-то другое. А в этом «другом» должны быть сплетены воедино, причем прочнейшим образом, настоящие земные чаяния (этой земли, справедливости и так далее) и какие-то невнятные, но могучие мессианские ожидания, именуемые хилиастическими. То есть непонятным образом пронизывающие народ мечтания о царстве божьем на земле. Не было бы этого сплетения, не было бы и победы большевизма в Гражданской войне.

Я никоим образом не имею в виду того, что народные массы вдохновлялись какой-то внятной хилиастической доктриной, напечатанной на машинке и зачитываемой большевистскими агитаторами. Народные массы что-то чуяли, что-то угадывали, что-то узнавали в большевистском страстном порыве. И седлали коней «от Кубани и Волги».

Не было бы этого узнавания, Маркс остался бы экономистом и не смог бы даже стать старшим экономистом, как тетя Сара. И обсуждать нам тогда было бы нечего. Или, точнее, обсуждалась бы тогда не судьба, не устремленность в будущее, а высоколобые тексты недоопределенной значимости.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Вызывает колоссальное изумление тот факт, что и авторы, и сторонники законопроекта, в названии которого есть слово «насилие», не дали себе труд по-настоящему исследовать вопрос о том, что это такое

АКСИО-9. Об одном известном законопроекте. Развязка

**В кои лета уж должно сметь
свое суждение иметь?**

Казалось бы, если человек заинтересован в продвижении какого бы то ни было дела, то хорошо бы об этом деле что-нибудь узнать, чтобы как минимум иметь возможность составить о нем собственное представление. Но это устаревшие представления, конечно. Потому что теперь есть интернет, соцсети, да мало ли где можно найти на все вкусы уже готовые мнения и представления по любому вопросу, чтобы к ним присоединиться. Похоже, это одна из незапланированных изначально функций интернета — «освободить» людей даже от попытки иметь собственное мнение о чем-либо.

В нашем опросе хорошо видно, что те, кто наиболее часто сталкивается с семейным насилием — молодежь до 30 лет, — не сильно одухотворены желанием разобраться с тем, что же такое предлагаемый закон «о профилактике семейно-бытового насилия», который вроде бы призван с этим насилием бороться (см. рис. 1–2). Во всяком случае свою осведомленность о законопроекте молодые люди оценивают значимо ниже, чем остальные граждане, и среди них больше (26%), чем в других возрастах, тех, честно признается, что «что-то слышали, но не очень внятно», то есть что слышали звон, да не знают, где он.

Хотя есть и хорошие новости: именно молодые люди до 30 лет, по их собственным словам, гораздо чаще, чем старшие поколения (25% против 14–16%) читали какие-то варианты законопроекта. И если «читали» — это значит не просто «глянули», то в среднем молодежь оказывается несколько лучше информирована о законопроекте, чем все остальные. Хотя сомнения в этом всё же закрадываются, потому что любые законопроекты содержат слишком «много букаф», да и читать их тяжело: они явно пишутся не для людей.

Если рассмотреть осведомленность о законопроекте в зависимости от пола опрошенных (рис. 3–4), то мы увидим, что женщины чаще считают себя осведомленными о законе, чем мужчины, хотя сам

законопроект они читали (правильнее — не читали) практически так же, как мужчины. По всей видимости, женщины о нем чаще слышали, поскольку информационная кампания лоббистов законопроекта была направлена именно на них как на целевую аудиторию. Согласно замыслу двигателей закона, каждая женщина, вне зависимости от того, сталкивается ли она с насилием в семье (если семья у нее вообще есть), должна была почувствовать себя жертвой семейного насилия — если не реальной, так потенциальной. А если семьи (независимо от степени ее официального оформления) еще нет, то каждая женщина должна была понять, что и не надо: это слишком опасно.

Значимые отличия в осведомленности о законопроекте (а значит, и в интересе к нему) выявились в группах респондентов, отнесших себя к различным социальным слоям (рис. 5–6).

На всякий случай оговоримся: свой «социальный слой» респонденты определяли сами, поэтому мы можем говорить не о том, к какому социальному слою люди относятся в реальности, а только о том, на какой именно социальный слой они ориентируются. Если человек сам себя относит к самому нижнему социальному слою и к слою ниже среднего, это означает, что он воспринимает свое социальное положение как неудовлетворительное, недоволен им, а также это значит, что он предполагает над собой огромную пирамиду и массу людей, которые выше его по положению, имеют больше возможностей всех видов, чем он, и живут лучше него. То есть это такая заниженная социальная самооценка. Если же человек относит себя к высшему социальному слою или к слою выше среднего, это совсем не обязательно значит, что он является олигархом или крупным деятелем в какой-нибудь сфере, это всего лишь значит, что его социальная самооценка высокая, и он предполагает, что основная масса людей находится на социальной лестнице под ним и располагает значительно меньшими возможностями, чем у него. Отнесение себя к определенному слою — очень важный параметр для понимания поведения человека. Так, люди, относящие себя к нижним слоям, ориен-

тируются на стереотипы и поведенческие схемы именно низших слоев (вроде «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой») с присущими этим социальным слоям подавленностью, ощущением полнейшего бесправия и отсутствия каких бы то ни было жизненных перспектив. А люди, относящие себя к высшим слоям, наоборот, ориентируются на стереотипы и повадки высших слоев (причем совершенно вне зависимости от того, имеют ли они к этому хоть какие-то реальные основания) с характерными для этих слоев пониманием себя как хозяев жизни, у которых в этой жизни «всё схвачено», а впереди — только вдохновляющие возможности и перспективы. И ведут себя люди во многом соответственно тому, с каким социальным слоем они себя ассоциируют.

Чем выше социальный слой, к которому относит себя респондент, тем о большей информированности о законопроекте он докладывает. В свете изложенных выше особенностей отнесения себя к определенному социальному слою это может означать, что законопроект о семейном насилии имеет особую значимость именно для верхних социальных слоев. Почему-то именно для высших страт общества семейное насилие оказалось более значимой проблемой, чем для низших, хотя априори кажется, что должно быть наоборот. Тем не менее что есть — то есть. Вероятно, это связано не только и не столько с тем, что в верхних социальных слоях больше разного рода насилия в семье, сколько с совершенно другим пониманием насилия в этих слоях. Легко представить себе, что люди, относящие себя к высшему обществу, относятся к себе значительно почтительнее и бережнее, чем все остальные. Например, как к хрустальной вазе. В таком случае многое из того, что обычный простой человек насилием никогда бы не назвал, кажется «высшим» именно таковым. А может быть, за усиленным интересом верхних социальных страт к законопроекту стоят и какие-то другие причины и интересы, которые нам, простым гражданам, неизвестны.

Продолжение на стр. 5

НАША ВОЙНА

Самооценка своей осведомленности о законопроекте

Рисунок 1. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от возраста респондентов, %. Без неответивших

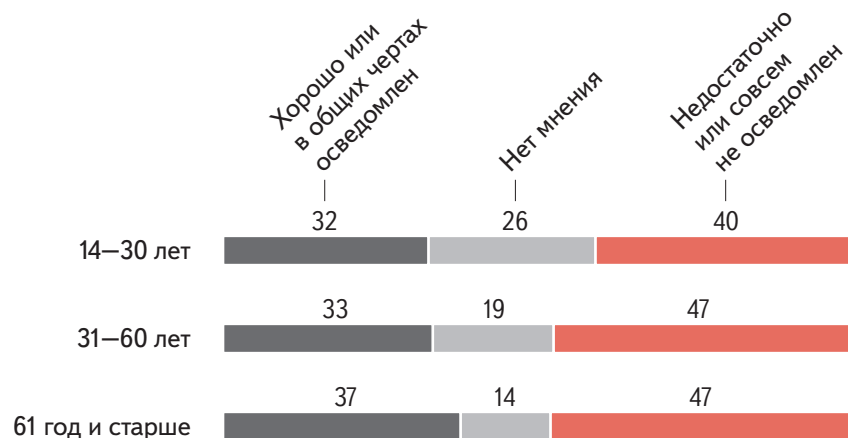

Рисунок 3. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от пола респондентов, %. Без неответивших.

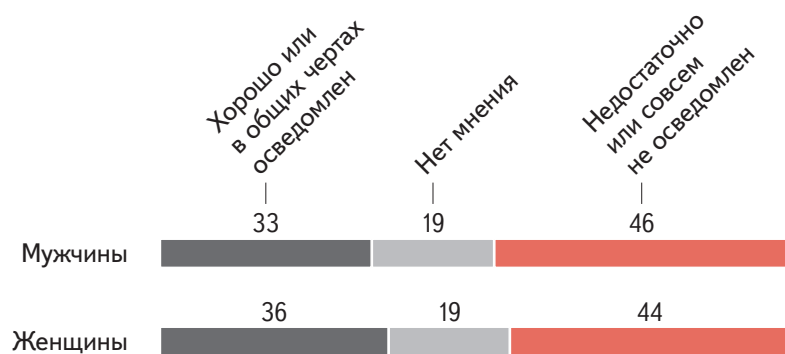

Рисунок 5. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от социального слоя, к которому себя относит респондент, %. Без неответивших

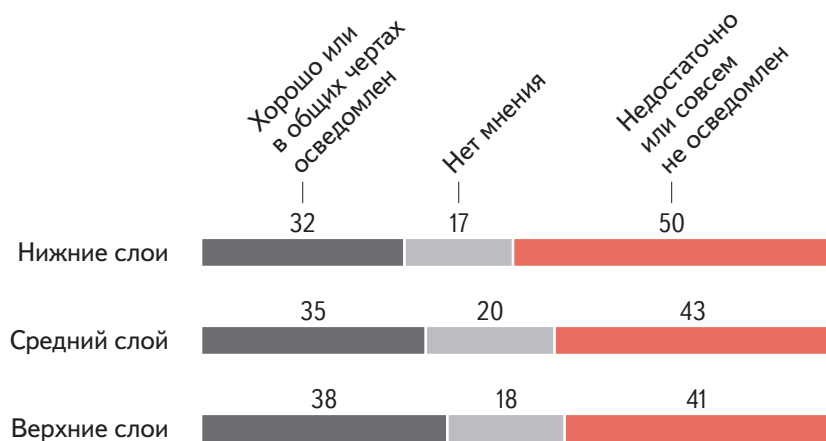
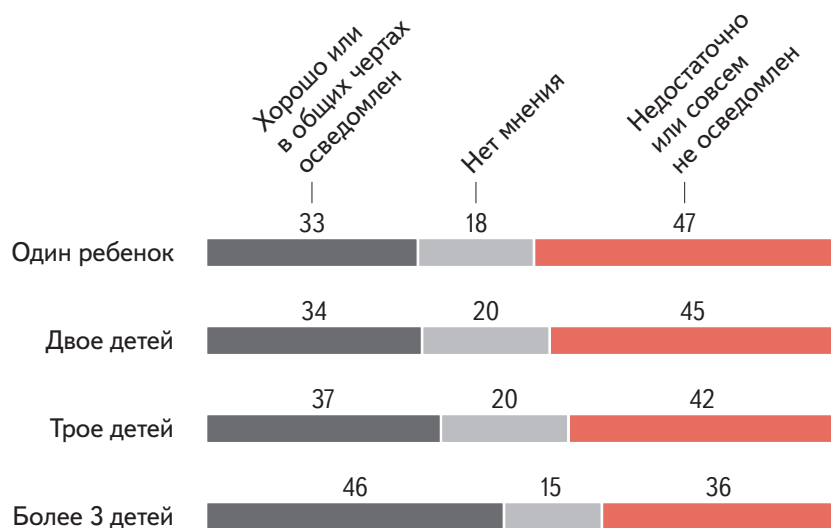

Рисунок 7. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от числа детей (реального или желаемого) в семье респондента (по вопросу № 11), %. Без неответивших

Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта

Рисунок 2. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от возраста респондентов, %. Без неответивших

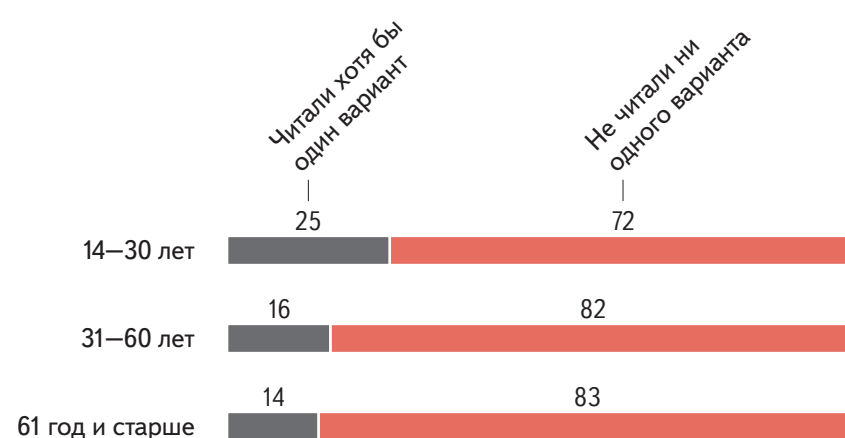

Рисунок 4. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от пола респондентов, %. Без неответивших.

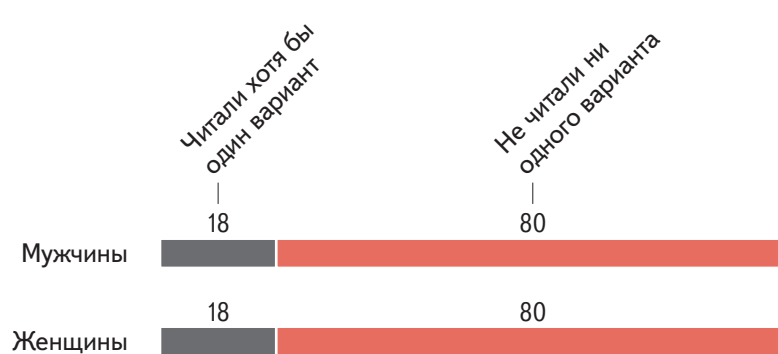

Рисунок 6. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от социального слоя, к которому себя относит респондент, %. Без неответивших

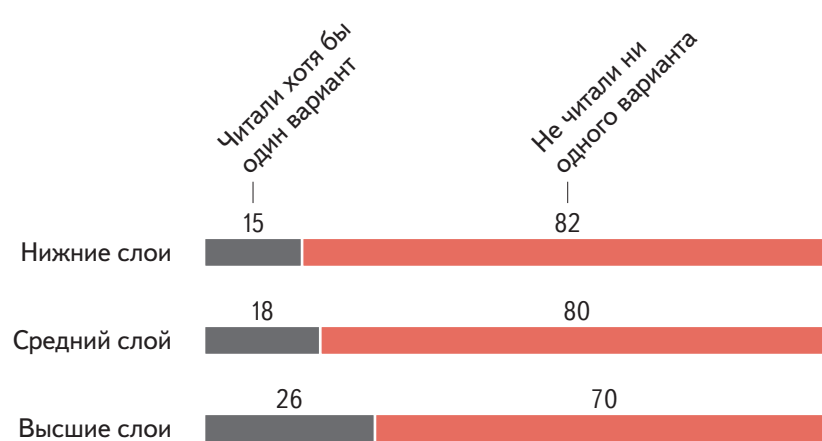
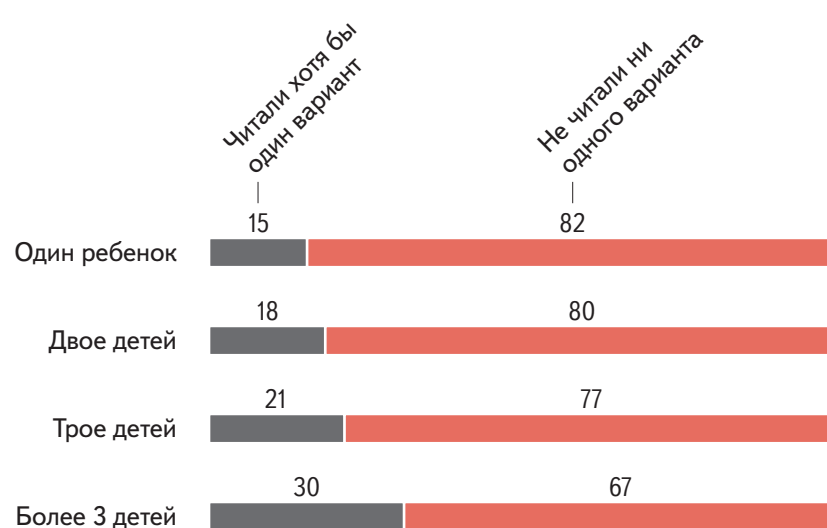

Рисунок 8. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от числа детей (реального или желаемого) в семье респондента (по вопросу № 11), %. Без неответивших

НАША ВОЙНА

Самооценка своей осведомленности о законопроекте

Рисунок 9. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от частоты столкновений с семейным насилием в родительской семье респондента (по вопросу № 12), %. Без неответивших

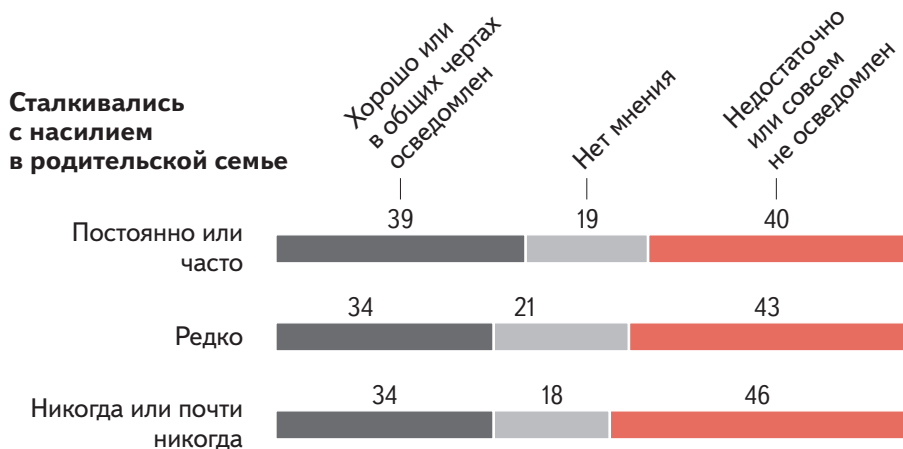
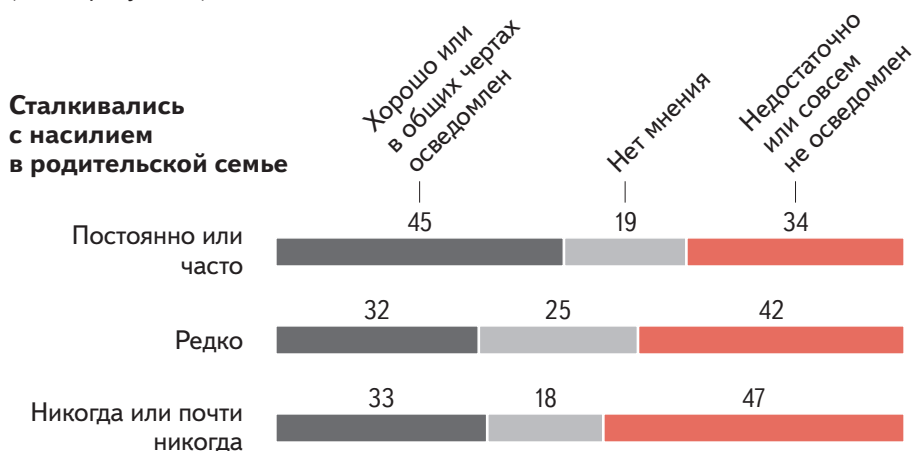

Рисунок 11. Зависимость самооценки своей осведомленности о законопроекте (по вопросу № 14) от частоты столкновений с семейным насилием сегодня (по вопросу № 13), %. Без неответивших

Продолжение. Начало — на стр. 3

Выраженной зависимости информированности о законопроекте от политической ориентации не выявлено. Конечно, либералы о нем и информированы лучше (39% хорошо или более-менее осведомленных против 34% в среднем по выборке), и читали какие-то законопроекты чаще граждан других политических ориентаций (30% хоть один вариант законопроекта видели в противовес 21% в среднем по выборке), однако это единственная сильно выделяющаяся группа. У приверженцев всех остальных политических ориентаций результаты отличаются от средних незначительно.

Точно так же не обнаружено и связи между осведомленностью о законе и семейным положением респондента.

А вот от числа детей у респондента, как выяснилось, информированность его о законопроекте зависит весьма существенно (рис. 7–8).

Чем больше детей у опрошенных — тем лучшую осведомленность о законе они декларируют и тем чаще они читали какие-то варианты законопроекта. Соответственно, можно делать вывод, что чем больше детей в семье — тем больший интерес вызывает законопроект. И ведь это не удивительно: предполагаемый закон «о профилактике семейно-бытового насилия» прямо-таки нацелен на семью и детей, поэтому родителям есть о чем тревожиться.

Гораздо больший (чем в среднем по выборке) интерес к законопроекту проявляют и те граждане, которые с домашним насилием чаще, чем остальные, сталкивались в родительском доме и сталкиваются в настоящее время в своем окружении (рис. 9–12).

Полагаем, эта зависимость не требует особых комментариев: вполне закономерен интерес людей, часто наблюдавших семейное насилие (что бы они под ним ни разумели), к закону, который собирается проводить профилактику против такого насилия.

«Профилактика» домашнего насилия и НКО

Переходя к анализу вопросов об отношении граждан к участию некоммерческих организаций (НКО) в «профилактике» домашнего насилия и предвидя попытки продвигателей закона дезавуировать этот анализ разговорами об «ангажированности» вопросов, рассмотрим основания, согласно которым вопросы были сформулированы именно так, как они были сформулированы.

Итак, вопрос № 16 в нашей анкете поставлен так: «Знаете ли Вы о том, что, согласно законопроекту, работу по «семейно-бытовому насилию» предполагается доверить НКО (некоммерческим организациям), которые, естественно, будут финансово заинтересованы в том, чтобы «насилия» было больше и, соответственно, у них было больше работы?»

Почему мы говорим о финансовой заинтересованности, если организации «некоммерческие»? Потому что, согласно закону об НКО, «Некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками» — и всё! То есть если организация не написала, что главная цель ее работы — прибыль, и если она не распределяет прибыль, а просто платит зарплату, то она уже некоммерческая. Но ведь зарплата должна откуда-то браться? Значит, НКО на какое-то дело получает откуда-то финансирование, выполняет работу и платит зарплату работникам (а также на эти деньги делает всё остальное, что можно сделать за деньги).

Рассмотрим пример: предположим, НКО занимается выгулом собак. Тогда она заинтересована в том, чтобы как можно

Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта

Рисунок 10. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от частоты столкновений с семейным насилием в родительской семье респондента (по вопросу № 12), %. Без неответивших

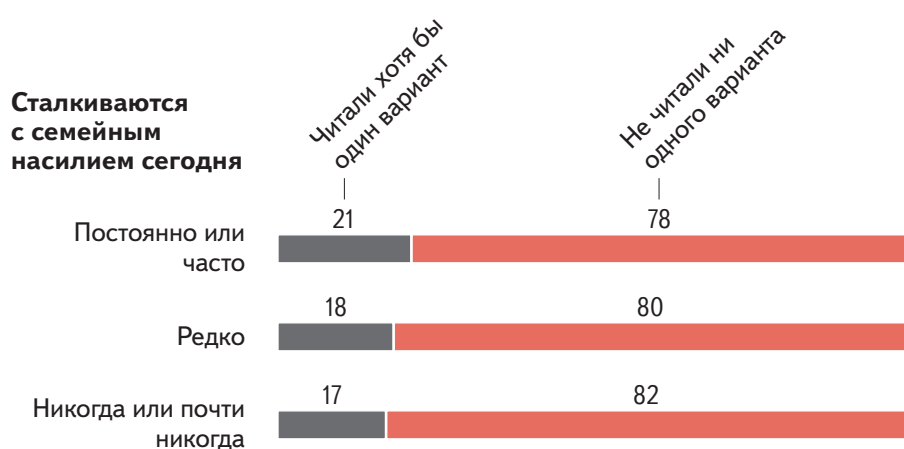
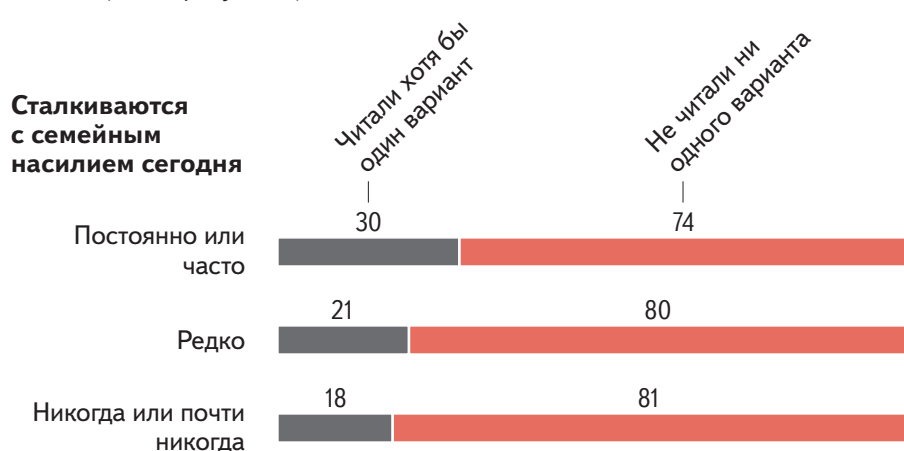

Рисунок 12. Знакомство с текстом какого-то из вариантов законопроекта (по вопросу № 15) в зависимости от частоты столкновений с семейным насилием сегодня (по вопросу № 13), %. Без неответивших

больше людей, не имея возможности сами гулять с собаками, обратились к ней за помощью и платили за это НКО. Значит, надо провести широкую рекламную кампанию удобства и правильности поручения выгула собаки НКО. Но, опять же предположим, люди на рекламу не откликнулись или у них нет денег. Что тогда делать НКО? Вероятно, имеет смысл принять федеральный закон, согласно которому владельцы собак будут обязаны обращаться к НКО для того, чтобы выгуливать своих питомцев. Но как добиться принятия такого закона? Один из вариантов — устроить масштабную информационную кампанию, целью которой будет донесение до всех и каждого «страшной реальности»: хозяева не успевают выгуливать собак, собаки ужасно страдают, многие из них становятся из-за этого злыми и бросаются на детей, а некоторые «друзья человека» даже погибают в результате небрежения хозяев. Кампания, конечно, должна сопровождаться леденящими кровь фотографиями покусанных детей и погибших в мучениях собак. Выход из этой ужасной ситуации — новый закон, по которому хозяева любой собаки должны будут обратиться в НКО и платить ей за принудительный выгул своей собаки. Или так: чтобы любой гражданин (сосед, дежурная по подъезду, бабушка с лавочки во дворе), заметивший «подозрительное поведение» собаки, «свидетельствующее» о ее неблагополучии у хозяев (например, она лает ночью — видимо, с ней не погуляли, или рычит на соседку в лифте — откуда такая агрессия? — наверное, давно не выгуливали), мог обратиться в полицию или в НКО с требованием назначить принудительный выгул этой собаки силами НКО. «Если же российское общество не примет такого закона, то оно выявит себя как дремучее реакционное и даже тоталитарное общество, которому не место среди цивилизованных народов», — так будут говорить лоббисты этого закона.

Вернемся к нашим «баранам». Если НКО занимается «семейным насилием», то она, очевидно, заинтересована в том, чтобы как можно больше было «семейного насилия»: тогда за свои услуги по его «профилактике» или «искоренению» она получит больше денег. Разве это не называется «быть финансово заинтересованными»?

Что касается вопроса № 17, то он формулировался так: «Как Вы относитесь к тому, что в случае принятия этого законопроекта вторжение в семьи и разборки с ними будут осуществлять финансово заинтересованные НКО, состоящие из неизвестно кого (там не нужно ни профильное образование, ни специальные лицензии и пр.)?» Можно ли сказать, что такая формулировка что-либо искажает с целью «настроить» респондента против использования НКО? Нет, так сказать нельзя, и вот почему.

Вот права НКО из варианта законопроекта с сайта tpeodna.ru, на который ссылается основной его лоббист, депутат Госдумы О. Пушкина:

«Статья 16. Права некоммерческих организаций в сфере семейно-бытового насилия

1. Некоммерческие организации, осуществляющие уставную деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия, проводят информационные кампании, направленные на профилактику семейно-бытового насилия и просвещение населения в сфере семейно-бытовых отношений; осуществляют общественный контроль в указанной области, проводят просветительскую работу с пострадавшими, оказывают социальные услуги пострадавшим от семейно-бытового насилия и принимают меры по их социальной адаптации и социальной реабилитации, а также проводят специализированные психологические программы с нарушителями.

Продолжение на стр. 7

НАША ВОЙНА

Степень информированности о предполагаемом участии НКО

Таблица 1. Генеральное распределение ответов на вопрос № 16 «Знаете ли Вы о том, что, согласно законопроекту, работу по «семейно-бытовому насилию» предполагается доверить НКО (некоммерческим организациям), которые, естественно, будут финансово заинтересованы в том, чтобы «насилия» было больше и, соответственно, у них было больше работы?», %

Ответы	%
Да, хорошо знаю об этом	14,4
Что-то слышал, но не очень внятно	21,9
Нет, ничего не знаю об этом	61,1
Не ответили	2,6

Рисунок 15. Зависимость степени информированности о предполагаемом участии НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 16) от возраста респондента, %. Без неответивших

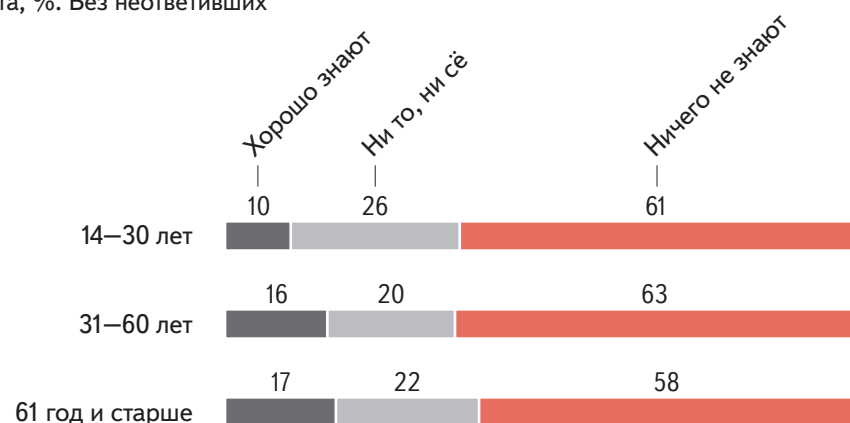

Рисунок 17. Зависимость степени информированности о предполагаемом участии НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 16) от того, к какому социальному слою относит себя респондент, %. Без неответивших

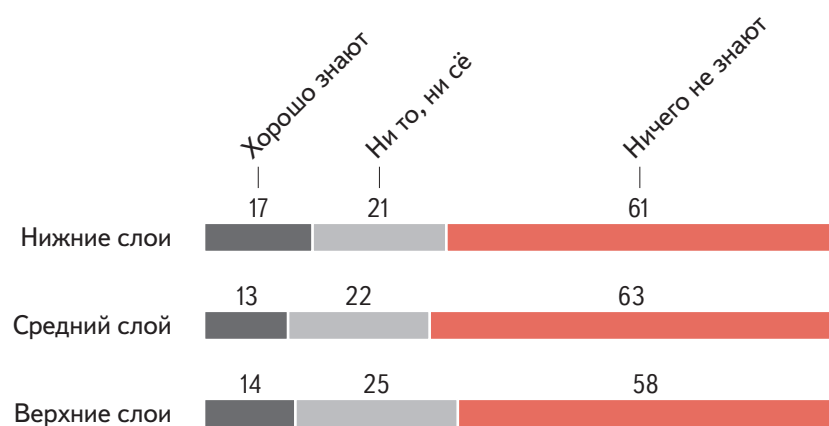
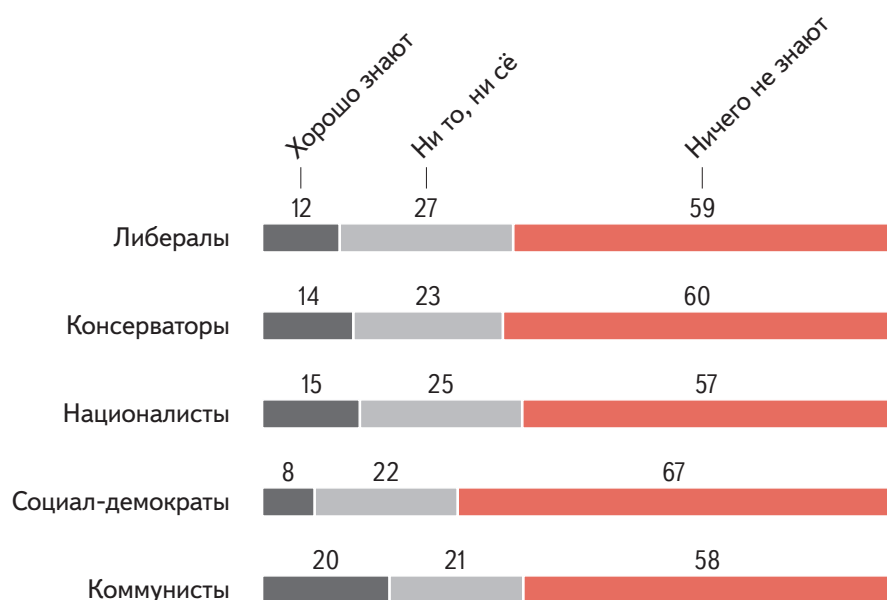

Рисунок 19. Зависимость степени информированности о предполагаемом участии НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 16) от политической ориентации респондентов, %. Без неответивших

Отношение к предполагаемому участию НКО

Таблица 2. Генеральное распределение ответов на вопрос № 17 «Как Вы относитесь к тому, что в случае принятия этого законопроекта вторжение в семьи и разборки с ними будут осуществлять финансово заинтересованные НКО, состоящие из неизвестно кого (там не нужно ни профильное образование, ни специальные лицензии и пр.)?», %

Ответы	%
Я категорически против этого	54,2
В целом я против такого подхода	20,4
Трудно определенно сказать	18,5
В целом я за такой подход	2,5
Я всецело поддерживаю это	1,4
Не ответили	2,9

Рисунок 16. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от возраста респондента, %. Без неответивших

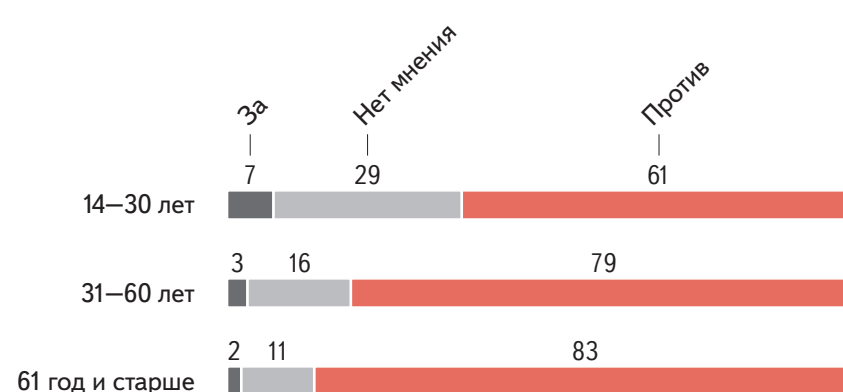

Рисунок 18. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от того, к какому социальному слою относит себя респондент, %. Без неответивших

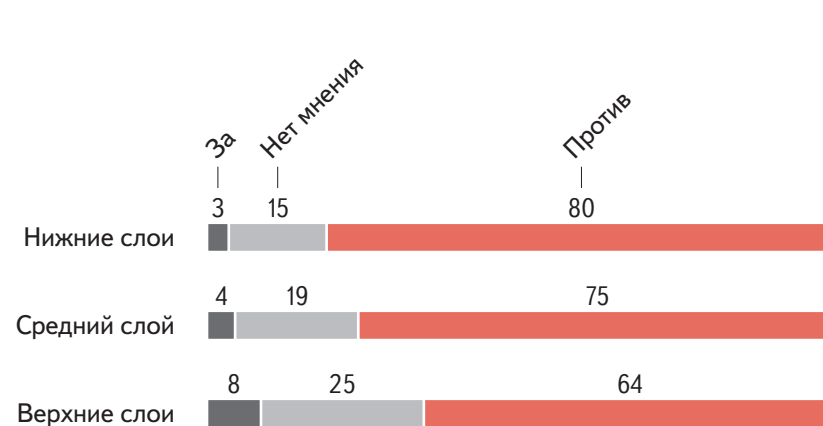
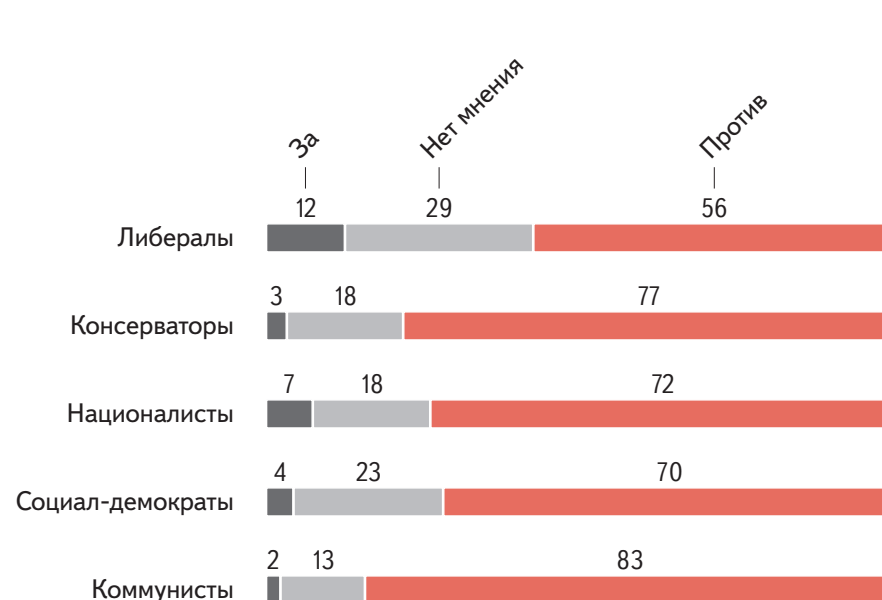

Рисунок 20. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от политической ориентации респондентов, %. Без неответивших

НАША ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 3–5

2. Некоммерческие организации, осуществляющие уставную деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия, вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов пострадавших по их письменной просьбе, либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина в этих случаях может быть подано с письменного согласия его законного представителя.

3. Некоммерческие организации, осуществляющие уставную деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия, вправе обратиться в органы полиции или суд с заявлением о вынесении защитного или судебного защитного предписания по письменной просьбе пострадавшего либо его законного представителя.

4. Федеральные органы власти, органы власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе привлекать некоммерческие организации для реализации полномочий, возложенных на них настоящим федеральным законом.»

Для начала обратим внимание, что в законопроекте фигурирует некая «сфера семейно-бытового насилия», а что это и где это, не поясняется. Если идти не только от чувства языка, но и от аналогов, и вспомнить о «сфере государственного управления», «сфере соцстрахования», «сфере образования», «сфере здравоохранения» и пр., то получается, что «сфера семейно-бытового насилия» — это существующая у нас отдельная часть действительности — наряду с медицинской, государственным управлением, семейными отношениями, наконец. И вот предлагаемый закон что-то регулирует именно в этой неведомой и неизвестно где расположенной сфере деятельности неизвестно кого. Добавим, что Уголовный кодекс, например, не регулирует отношения в сфере насилия или в «сфере воровства». Потому что таких сфер нет: различные действия людей могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от множества обстоятельств и соображений, и является ли то или иное деяние преступлением, как раз и должен помочь определить уголовный закон и суд. Если же существовала бы некая «сфера насилия», то вряд ли бы в ней стоило «регулировать отношения» — надо было бы ее огородить и как-то ликвидировать, что ли. Поэтому рождение лоббистами законопроекта о семейном насилии этой «сферы семейного насилия» вызывает большие подозрения в том, не хотят ли они эту «сферу» уничтожить как класс, то есть уничтожить семью? Хотя есть и другой вариант: поскольку эта «сфера» предполагается источником благосостояния работников бесчисленных НКО, то не хотят ли интересанты законопроекта сделать эту «сферу» хронической язвой на теле российской действительности, попутно расширив ее до размеров Российской Федерации? Чтобы не было в России более опасного места, чем семья, и чтобы НКО могли вечно эту «сферу» «профилактировать» во все возрастающих масштабах и объемах финансирования?

Обратим также внимание, что в законопроекте везде прописано, что единственное требование к НКО, которые должны, согласно законопроекту, осуществлять свои «права в сфере семейно-бытового насилия», заключается в том, чтобы они осуществляли «уставную деятельность». Но каждый взрослый человек понимает, что уставная деятельность — это деятельность, прописанная в Уставе организации, и больше ничего. То есть любой человек может создать орга-

Рисунок 13. Обобщенное распределение ответов на вопрос № 17, %

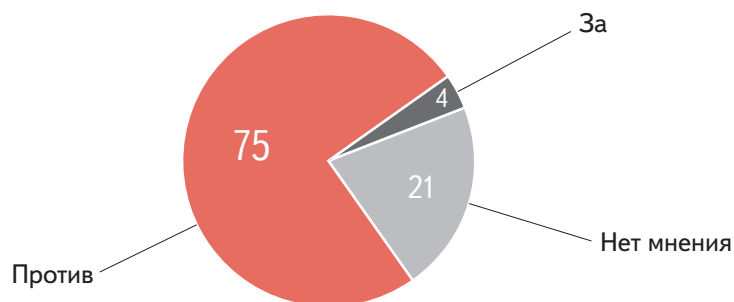
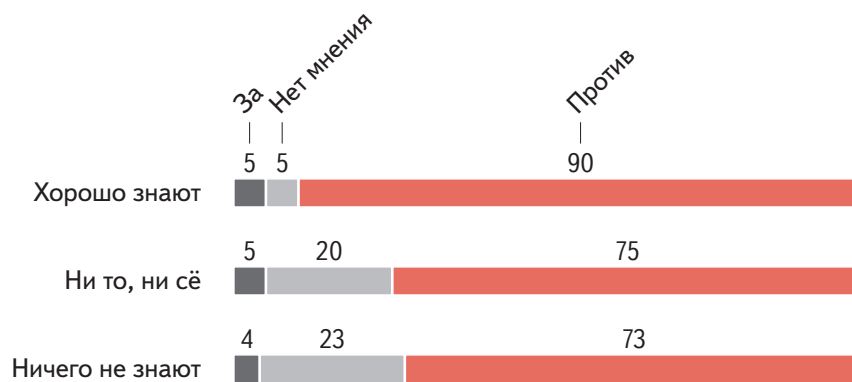

Рисунок 14. Зависимость отношения к участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от осведомленности о таком предполагаемом участии, (по вопросу № 16), %. Без неответивших

низацию и написать в Уставе свои пожелания работать с семьями — и, согласно законопроекту, будет иметь на это право. Никаких требований к образованию, подготовке, профессионализму и наличию лицензий у тех, кто будет это право осуществлять от НКО, не предъявляется. То есть предполагается, что «специализированные психологические программы» не требуют специального образования и профессионализма? Что «социальная адаптация и социальная реабилитация» может проводиться любым человеком с улицы? Что «информационные кампании» и «просвещение населения» России не требуют никакой подготовки? А обращение в суд по просьбе пострадавшего не требует профессиональных знаний?

Наконец, особого внимания заслуживает п. 4 ст. 16 рассматриваемого законопроекта, в котором написано, что «Федеральные органы власти, органы власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе привлекать некоммерческие организации для реализации полномочий, возложенных на них настоящим федеральным законом». То есть всех без изъятия полномочий всех этих органов, перечисление которых в данном законопроекте занимает примерно 7 страниц!

Вот только некоторые примеры полномочий, которые теоретически можно поручить НКО:

- осуществлять сбор данных для статистического учета, вести статистику правонарушений в семейно-бытовой сфере, принятых по ним мер, количестве жертв, их родственной связи с нарушителем, собирать иные данные в области семейно-бытового насилия;
- создавать муниципальные учреждения и иные организации по оказанию помощи в ситуациях семейно-бытового насилия и обеспечивать их функционирование;
- организовывать выявление и учет пострадавших от семейно-бытового насилия;

- разрабатывать и принимать программы профессиональной подготовки сотрудников организаций социального обслуживания населения по вопросам профилактики семейно-бытового насилия;

- организовывать предоставление социальных услуг пострадавшим в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- включать в программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения обучающихся и воспитанников, меры, направленные на профилактику семейно-бытового насилия;

- разрабатывать и принимать программы профессиональной подготовки педагогических работников по вопросам профилактики семейно-бытового насилия.

И вот для этого всего тоже нужны только «уставные цели» и не нужны никакие специальные знания, умения, специальное образование, профессионализм и прочие, видимо ненужные с точки зрения создателей законопроекта, «компетенции». Точно так же не нужно и никакого лицензирования для осуществления всех этих видов деятельности, хоть среди них есть и такие, которые при других обстоятельствах требуют лицензии.

Таким образом, формулировка вопроса № 17 о том, что действия по «проблемам семейного насилия» «будут осуществлять финансово заинтересованные НКО, состоящие из неизвестно кого (там не нужно ни профильное образование, ни специальные лицензии и пр.)», полностью соответствует действительности. И поскольку мы хотели узнать мнение людей относительно реальных, а не воображаемых НКО, мы включили этот момент в текст вопроса.

Как и ожидалось, большинство респондентов (61%) слыхом не слыхивали ничего об предполагаемом участии НКО в святом деле профилактики домашнего насилия (табл. 1). А знает об этом — сугубое меньшинство (14%). Очевидно, что в цели пропагандистской кампании по про-

движению закона информирование граждан об участии НКО не входило. И это даже не удивляет.

В общем, неудивительно и то, что подавляющее большинство (75%) граждан (см. табл. 2 и рис. 13), узнав из опроса о предполагаемом участии НКО в будущем «профилактировании» домашнего насилия, высказываются против такого участия.

В целом, легко понять, почему граждане так единодушно настроены. Оно потому, что законопроект, который обсуждается, касается напрямую их семей и их детей. И если вторжение в их семьи и доступ к их детям требует себе государство — это, хотя и со скрипом, граждане терпят. Но чтобы к ним лезли какие-то непонятные НКО, какие-то самозванцы (в буквальном смысле слова: они сами себя назвали заботящимися о гражданах и их семьях), не обладающие никакой легитимностью в глазах людей, — это уже чересчур.

Характерно в этой связи, что среди тех граждан, которые хорошо знают об уготованной для НКО роли в борьбе с семейным насилием, доля выступающих категорически против этой роли НКО максимальна — 90% (рис. 14). А те, кто знает об НКО меньше, против них выступает несколько реже, хотя их всё равно большинство.

Этот эффект, который вполне можно назвать «легкость в мыслях необыкновенная», хорошо виден в зависимостях степени информированности об НКО и отношении к участию НКО в профилактике домашнего насилия от возраста (рис. 15–16).

Чем моложе люди, тем большую легкомысленность они проявляют в вопросе об НКО: они и меньше знают и чаще высказываются за их участие в процессе улучшения российских семей. А чем старше люди, чем чаще они в курсе проблемы и тем категоричнее они против участия НКО в делах российских семей.

Та же «легкость в мыслях необыкновенная» видна и в зависимостях представлений об НКО от отнесения себя респондентом к тому или иному социальному слою (рис. 17–18).

Понятно, что представители верхних страт общества редко сталкиваются с НКО в жизни, разве что они ими руководят. В нашем опросе «верхние социальные слои» и меньше знают о предполагаемом участии НКО в процессе заботы о семейном насилии, и больше на него согласны (хотя против все равно большинство — 64%). Зато представители нижних социальных слоев, которые теоретически «имеют счастье» чаще встречаться с НКО, и больше знают о них, в большинстве (80%) категорически против их участия в делах своих семей.

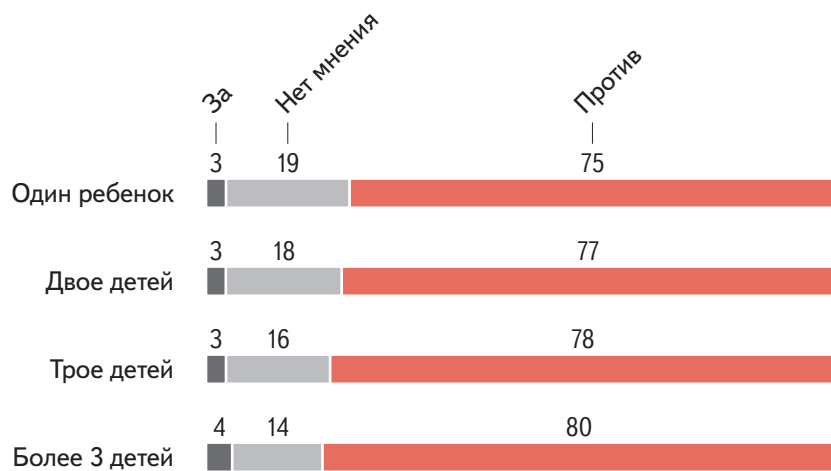
Что касается зависимости отношения к НКО как к активному участнику борьбы против домашнего насилия от политической ориентации граждан (рис. 19–20), тут картина вырисовывается более чем понятная.

Значительно более всех остальных граждан за привлечение НКО к «лечению» семей граждан выступают только либералы. Потому что это в их интересах, очевидно. Их интересы ведь известны — это, во-первых, деньги, во-вторых, деньги, в-третьих, деньги, а в-четвертых — раскачивание лодки, то есть ситуации в стране. И все эти вопросы решают НКО. А слова «финансовая заинтересованность» должны для каждого истинного либерала звучать как музыка. Поэтому либералы вполне закономерно больше поддерживают НКО, чем все остальные. Справедливости ради отметим, что даже среди либералов за НКО сугубое меньшинство — всего 12%. Но это в шесть раз больше, чем среди коммунистов, и в четыре раза больше, чем среди консерваторов, то есть условной «Единой России».

Продолжение на стр. 8

НАША ВОЙНА

Рисунок 21. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от числа детей (реального или желаемого) в семье респондента (по вопросу № 11), %. Без неответивших

Продолжение. Начало — на стр. 3–7

Очень показательна зависимость степени согласия (или, скорее, несогласия) с участием НКО в борьбе с семейным насилием от числа детей у граждан (рис. 21). И пусть читателей не смущают вроде бы небольшие отличия в 5 пунктов между долями различных групп — при нашей выборке это статистически значимые различия. Так вот, чем больше детей в семье — тем чаще люди против НКО.

Чем лучше люди осведомлены о законопроекте, тем чаще они знают и про НКО, что вполне естественно (рис. 22–23). Однако обратим внимание на то, что только треть (34%) тех, кто считает, что они хорошо осведомлены о законопроекте, в курсе вопроса об НКО. Это свидетельствует о том, что их «осведомленность» о законопроекте — так сказать, рекламного или пропагандистского происхождения: они знают то, что подчеркивается в пиаре либо продвигателей закона, либо его противников, а своего мнения, основанного на знакомстве с ситуацией и законопроектом, они не имеют. Это в целом вызывает вполне обоснованные подозрения в том, что информационная кампания лоббистов законопроекта имеет целью вовсе не информирование граждан, а нагон на них ужаса по поводу «этой ужасной страны», где «крутом насилии» и «нет никакой защиты».

Тем не менее по результатам опроса выходит, что чем более осведомленными считают себя респонденты, тем чаще они против перекарывания решения проблем с насилием в семье на НКО. Из «хорошо осведомленных» о законопроекте 79% против такого подхода, а за такой подход — всего 5%. Это означает, что в случае, если люди действительно хорошо информированы о роли, отводящейся НКО законопроектом о семейно-бытовом насилии, они в большинстве категорически против такой роли. А в случае, если граждане информированы на самом деле плохо и просто в результате информационной кампании заняли сторону либо сторонников законопроекта, либо его противников, это означает, что противники законопроекта

пока побеждают сторонников с разгромным счетом 16:1.

Те же выводы можно сделать и рассмотрев зависимость отношения к вопросу об участии НКО в решении семейных проблем от знакомства с текстом того или иного законопроекта. Из рис. 24 легко видеть, что среди читавших вариант законопроекта, опубликованный на сайте СФ, соотношение противников и сторонников допуска НКО в семье составляет 13:1, среди знакомых с законопроектом, опубликованным на сайте ГД, — 16:1, среди читавших вариант законопроекта от феминисток — 9:1. Ну а среди тех, кто в глаза не видел ни одного варианта законопроекта, соотношение и вовсе 25:1. Ну вот не рекомендовали себя НКО как дружественные для семей и людей организации, что поделаться! Даже самые ярые сторонники закона о профилактике семейно-бытового насилия — феминистки и феминисты — не готовы поддержать НКО в их стремлении подобрать под себя регулирование отношений в семьях граждан.

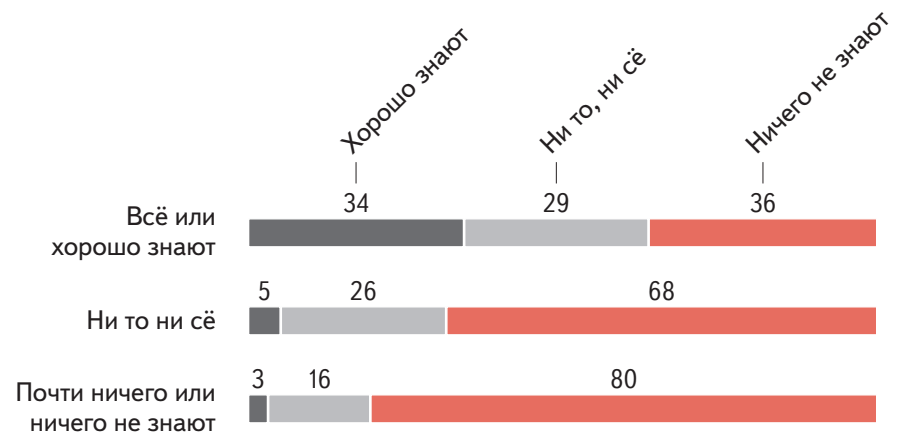
Против чего боремся, девочки?

Теперь перейдем к одному из главных вопросов нашего исследования — о том, что граждане считают насилием, а что они насилием не считают.

Вопрос «что такое насилие?» вообще довольно сложен. Вменяемых определений насилия найти не удалось: есть очень много частных определений, из которых никакой каши не сварить и никаких практических выводов не сделаешь. Выше уже упоминалось, что при «всем богатстве выбора» представлений о насилии, в уголовном праве под насилием понимается только физическое насилие (которое по тому же уголовному закону и преследуется), хотя в законах присутствуют слова и о других видах насилия. Однако в силу отсутствующих или невнятных определений этих дру-

Степень информированности о предполагаемом участии НКО

Рисунок 22. Зависимость степени информированности о предполагаемом участии НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 16) от общей информированности о законопроекте (по вопросу № 14), %. Без неответивших

гих видов насилия уголовное право ими воспользоваться не может.

У нас нет ни времени, ни возможности, ни места проводить теоретические исследования на тему «что есть насилие» в этой работе. Но вызывает колоссальное изумление тот факт, что и авторы, и сторонники законопроекта, в названии которого есть слово «насилие», не дали себе труд понастоящему исследовать вопрос о том, что это такое. Вместо этого авторы и лоббисты гордо декларируют, что они дали разным видам насилия «четкие и предельно ясные формулировки и дефиниции», после чего выкатывают нечто такое:

«Экономическое насилие — умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, лекарственных препаратов, медицинских изделий или иных предметов первой необходимости, имущества, денежных средств, на которые он имеет предусмотренное законом право, а также умышленное уничтожение или повреждение имущества, либо иное причинение имущественного вреда; отказ содержать нетрудоспособных лиц, находящихся на иждивении; принуждение к тяжелому и вредному для здоровья труду».

Или такое:

«Психологическое насилие — умышленное унижение чести и (или) достоинства путем оскорбления или клеветы, высказывания угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к пострадавшему или его близким лицам, знакомым, преследование, изъятие документов, удостоверяющих личность, принуждение посредством угроз либо шантажа к совершению преступлений и (или) правонарушений, аморальному поведению или действиям, представляющим опасность для жизни или здоровья пострадавшего, а также физического или психического развития».

Мне лично эти определения ни четкими, ни предельно ясными не кажутся. Я не понимаю, например, является ли для моего сына автомобиль «предметом первой необходимости», и имеет ли он на

него «предусмотренное законом право». Я не понимаю, не будет ли разбивание об пол телефона моей внучки, в котором она непрерывно пребывает, не обращая внимания более ни на что, «умышленным уничтожением или повреждением имущества» и «причинением имущественного вреда». Так же точно я не понимаю, не будет ли просьба к сыну наколоть дров или покрасить забор «принуждением к тяжелому и вредному для здоровья труду». Еще более непонятно, будет ли считаться «психологическим насилием», которое надо «профилактировать», восклицания в адрес ребенка: «Ах ты бессовестный поросенок!» и «Ну я тебе задам!» — поскольку в первом из них есть очевидные признаки и оскорбления, и клеветы, а во втором есть явная угроза совершения семейно-бытового насилия». Такими вопросами можно было бы исписать десяток страниц — становится предельно понятно, почему в уголовном праве такими определениями не пользуются: себе дороже. Но лоббисты-то законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия хотят на основании вот этих «предельно четких и ясных» определений решать судьбы людей!

Есть и другая сторона этой же проблемы — представления людей о насилии, а также допустимом и недопустимом насилии могут значительно различаться, и они различаются! К насилию все относятся плохо, но каждый понимает его по-своему. Поэтому так легко нагнать на общество ужас по поводу повсеместного насилия и так трудно реально определиться, как с ним бороться.

Представления людей о том, что такое насилие, зависят от множества разных факторов: от культуры, в которой человек вырос, и от культуры, в которой он живет ныне, от его образования, его политических взглядов и пр. Каким образом можно пытаться бороться с таким многоликим и неопределенным насилием — просто непонятно.

Выяснению вопроса о том, что есть насилие с точки зрения граждан, а что наси-

Таблица 3. Генеральное распределение ответов на вопрос № 18.1 «Экономическое насилие» — отказ в покупке чего-либо члену семьи или, наоборот, несогласованные траты одного из членов семьи», %

Это очевидное насилие, общество должно вмешаться	2,1
Это очевидно не является насилием, это внутреннее дело семьи	72,4
Наверное, бывает по-разному, определено трудно сказать	22,1
Не ответили	3,5

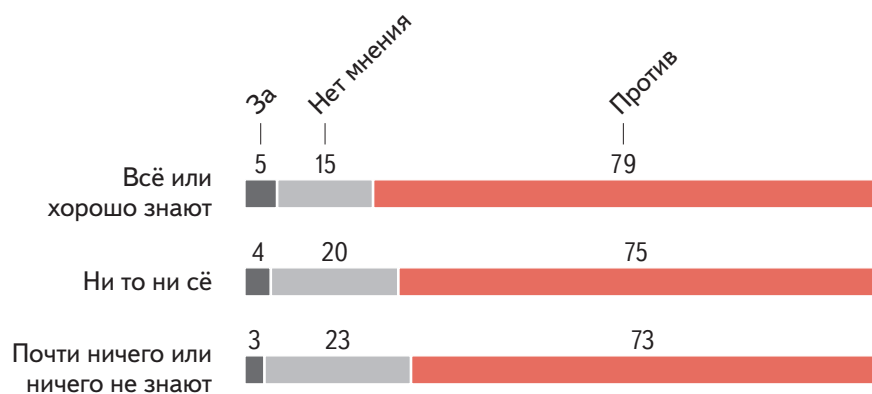
Таблица 4. Генеральное распределение ответов на вопрос № 18.2 «Психологическое насилие» — от косога взгляда до выпрашивания чего-либо или скандала», %

Это очевидное насилие, общество должно вмешаться	6,6
Это очевидно не является насилием, это внутреннее дело семьи	54,5
Наверное, бывает по-разному, определено трудно сказать	35,1
Не ответили	3,8

НАША ВОЙНА

Отношение к предполагаемому участию НКО

Рисунок 23. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от общей информированности о законопроекте (по вопросу № 14), %. Без неотвечивших

лием не является, в АКЦИО-9 был посвящен **вопрос № 18:**

«Концепция законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» вводит некоторые новые представления о насилии — так как «обычное» насилие преследуется по Уголовному кодексу и для него не нужен специальный закон. Согласны ли Вы с тем, что нижеперечисленные виды поведения можно считать насилием и карать за него, то есть по жалобе одного из членов семьи или по доносу третьих лиц можно за такое поведение наказывать без суда и следствия:

- вторгаться в семью для выявления насилия;
- насильственно разделять членов семьи (включая отбирание детей и выписывание охранный ордера, который запрещает члену семьи проживать в собственном доме);
- запрещать членам семьи приближаться друг к другу;
- насильственно «оказывать психологическую помощь», заставлять участвовать в программах «по управлению гневом» и пр.»

Ответы оказались такими (табл. 3–6).

Как легко убедиться, «в среднем по больнице» большинство граждан не считает насилием, требующим вмешательства со стороны общества, ни «экономическое», ни «психологическое», ни «воспитательное» насилие, и даже в вопросе о самом страшном «сексуальном» насилии (которым российское общество запугивают давно и постоянно) относительно большинство граждан (42%) не считает это насилием, заслуживающим вмешательства общества, и почти в два раза меньше (22%) тех, кто считает это не внутренним делом семьи, а преступлением общественно опасным.

Здесь хотелось бы сделать одну важную оговорку. При написании анкеты

в вопросе о «сексуальном насилии» авторы имели в виду только отношения между супругами или партнерами, но в явном виде это в вопросе не прописано (что является ошибкой). Судя по результатам, большинство граждан поняли вопрос так же, как понимали и авторы анкеты, — что это вопрос об отношениях супругов или партнеров. Однако часть респондентов, хотя и меньшая, поняла этот вопрос иначе, более широко (и это мы знаем не теоретически, а по отчетам проводивших опрос интервьюеров) — в том смысле, что имеется в виду сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних. Понятно, что к такому сексуальному насилию отношение у людей совершенно иное, нежели к «сексуальному насилию» в отношениях между супругами. В результате всего этого — и ошибки при формулировке вопроса, и разного вследствие этой ошибки понимания вопроса респондентами — мы получили в ответах «гремучую смесь»: какая-то часть этих ответов — про супругов и партнеров, какая-то — про несовершеннолетних. Соответственно, нужно помнить об этой смеси и понимать, что если бы все отвечали про супругов или партнеров, то результаты были бы гораздо больше сдвинуты в сторону «ненасилия», а если бы все отвечали про несовершеннолетних, то они были бы однозначно в пользу «насилия».

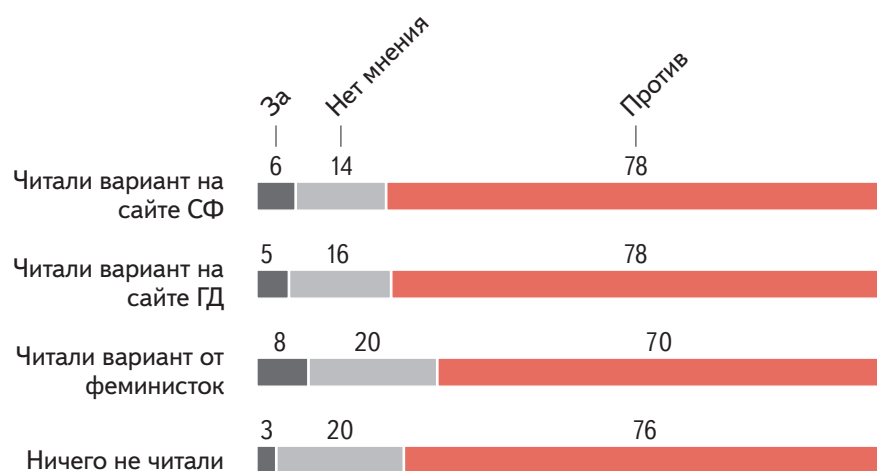
Анализ различий в представлениях о насилии в зависимости от возраста респондентов (рис. 25–28) заставляет глубоко задуматься. Из рисунков легко заметить, что молодое поколение в разы более, если так можно выразиться, «нарциссично», чем старшие поколения. Так, например, по вопросу о «психологическом» насилии самая младшая группа респондентов в 11 раз (!) чаще, чем самая старшая группа, склонна считать это насилием, требующим вмешательства общества, по вопросу о «воспитательном» насилии — почти в 10 раз чаще, по «сексуальному насилию» — более чем в 3 раза чаще. Прямо поколение принцесс и принцев на горошине!

Таблица 5. Генеральное распределение ответов на вопрос № 18.3

«Воспитательное насилие» — от шлепка и подзатыльника детям до запретов больше положенного играть в компьютер или поздно ходить на танцы», %

Это очевидное насилие, общество должно вмешаться	6,1
Это очевидно не является насилием, это внутреннее дело семьи	61,2
Наверное, бывает по-разному, определенно трудно сказать	29,2
Не ответили	3,5

Рисунок 24. Зависимость отношения к предполагаемому участию НКО в «профилактике» семейно-бытового насилия (по вопросу № 17) от степени знакомства с конкретными вариантами законопроекта (по вопросу № 15), %. Без неотвечивших

Если серьезно, то из полученных данных видно, что уважение и чуткость к себе растет в России вместе с уменьшением возраста людей. Чем моложе человек — тем более трепетно он относится к вопросам насилия, что означает, что тем более ценным и хрупким он себе представляется. Так что прогресс индивидуалистских представлений (в ущерб коллективистским) в России налицо.

От пола респондентов представления о насилии зависят не так значительно, как от возраста (рис. 29–32). Тем не менее легко видеть, что по всем видам «насилия» женщины проявляют большую чувствительность и большую склонность считать факты «насилия» внутрисемейным делом. Хотя всё равно в большинстве случаев большинство женщин все-таки считает вмешательство общества в семью с целью предотвращения исследуемых «видов насилия» неверным.

Вполне закономерным выглядит рост трепетности в отношении к исследуемым «видам насилия» вместе с высотой положения социального слоя, на который ориентируется респондент (рис. 33–36). «Понятно ведь», что чем выше положение человека в обществе, тем он «ценнее» во всех смыслах, поэтому то, что не считается насилием в отношении «низов», должно быть признано о-го-го каким насилием в отношении «верхов». Однако, хотя отличия между представлениями различных социальных слоев о насилии и заметны не вооруженным статистическим взглядом, и статистически значимы, картина общества в целом выглядит довольно однообразной и монолитной: большинство во всех социальных слоях предложенные для оценки «насилия» таковыми не считает. Вероятно, к огорчению лоббистов законопроекта.

Интересны результаты о различиях в восприятии разных «видов насилия» в зависимости от политической ориентации опрошенных (рис. 37–40).

Первое, что бросается в глаза, — это прямо-таки чужеродность и, можно сказать, враждебность группы респондентов

«радикально-либеральной» политической ориентации всей остальной выборке и приверженцам всех остальных политических ориентаций. Из приведенных рисунков видно, что буквально по всем исследуемым «видам насилия» весь народ шагает не в ногу, и только либералы — в ногу: среди них в разы больше, чем среди поклонников других политических ориентаций, склонных считать что ни пошло «насилием».

Второе, что вызывает интерес, — одинаковый порядок следования групп с разной политической ориентацией в рисунках. Этот порядок таков: наиболее чувствительны к «насилию» всегда «либералы», за ними — «социал-демократы», потом в порядке снижения чувствительности идут всегда «националисты», «консерваторы» и «коммунисты». Ясно, что такая стойкая последовательность не может быть случайной. Вероятно, различные политические платформы привлекают людей не только декларируемыми ценностями, но и неким социокультурным кодом, который относительно латентный. Конечно, сторонники либерализма и прочие антисоветчики легко сделают вывод о том, что в этой зависимости проявляется врожденная склонность коммунистов к тоталитаризму, к ГУЛАГу и миллиардам жертв политических репрессий. Но это будет поспешный и неверный вывод, потому что рядом с «коммунистами» и с близкими к ним значениями на всех рисунках можно видеть сторонников «консервативно-государственнической» политической ориентации, которые по степени либеральности недалеко ушли от «либералов» и, согласно нашему многолетнему опыту исследования этого вопроса, состоят на 95% из членов партии «Единая Россия», а на 5% — из ее же сторонников. А эти люди не склонны к тоталитаризму и ГУЛАГу, а наоборот, склонны (и на деле осуществляют движение) к рыночному капитализму, парламентской демократии и т. п. Почему же они оказались рядом с «коммунистами» в вопросах о «насилии»?

Окончание на стр. 14

Таблица 6. Генеральное распределение ответов на вопрос № 18.4

«Сексуальное насилие» — от комплимента до пристального взгляда и настойчивого ухаживания», %

Это очевидное насилие, общество должно вмешаться	21,8
Это очевидно не является насилием, это внутреннее дело семьи	41,9
Наверное, бывает по-разному, определенно трудно сказать	31,8
Не ответили	4,5

НАША ВОЙНА

Мнения о «экономическом насилии»

Рисунок 25. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от возраста опрошенных, %. Без неответивших

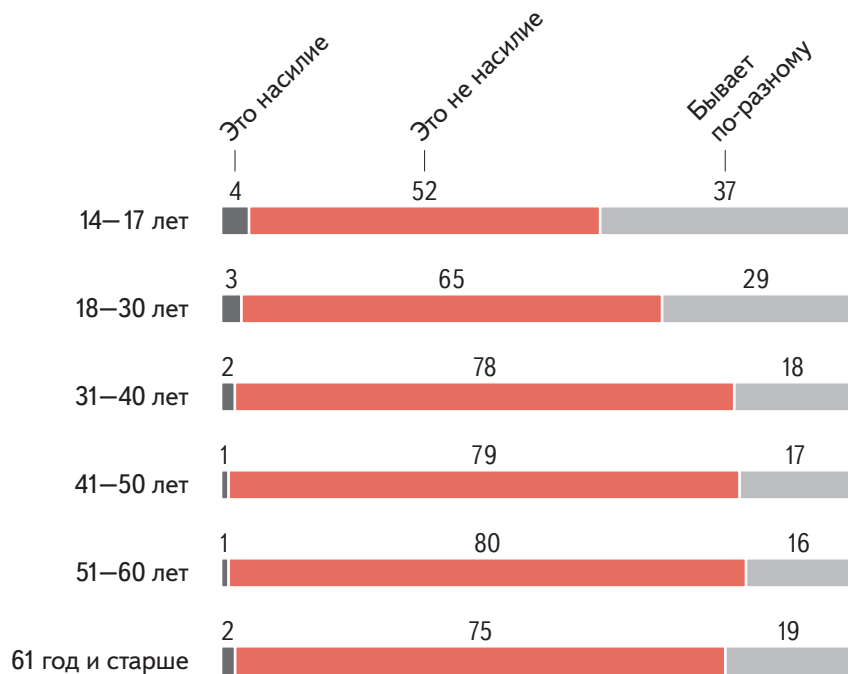

Рисунок 29. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от пола опрошенных, %. Без неответивших

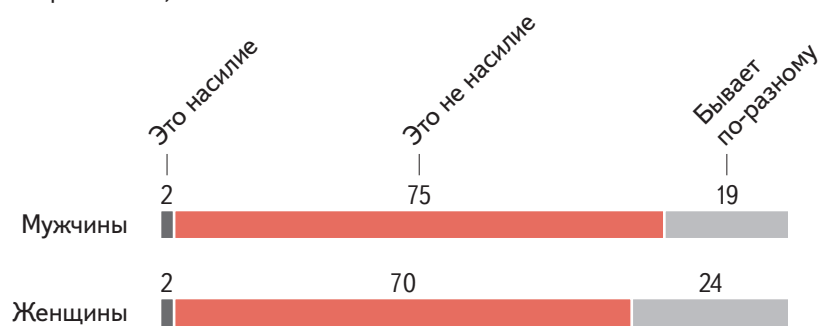

Рисунок 33. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от социального слоя, к которому относят себя опрошенные, %. Без неответивших

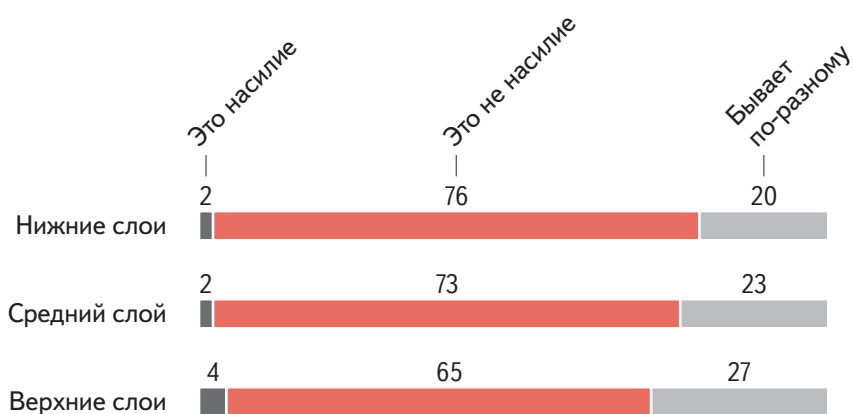
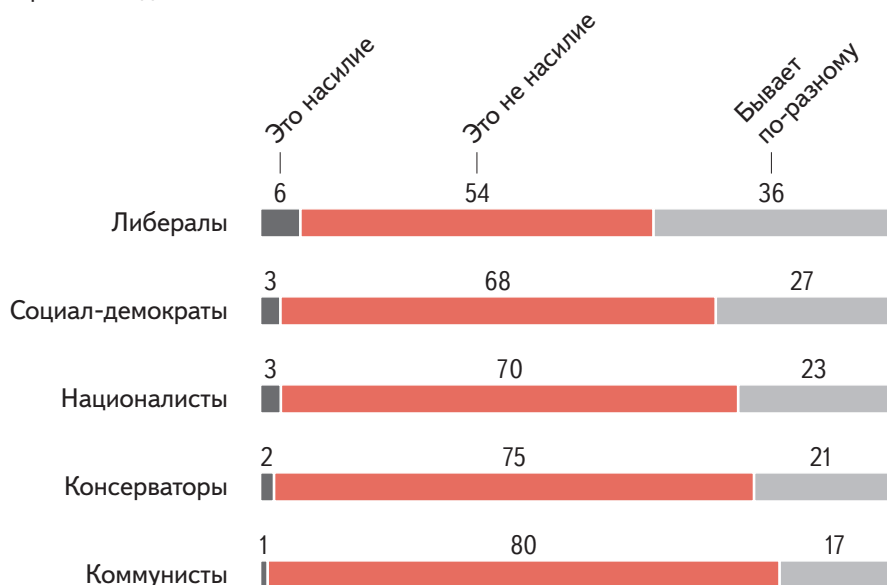

Рисунок 37. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от политической ориентации опрошенных, %. Без неответивших. Упорядочено по возрастанию доли «не насилия»

Мнения о «психологическом насилии»

Рисунок 26. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от возраста опрошенных, %. Без неответивших

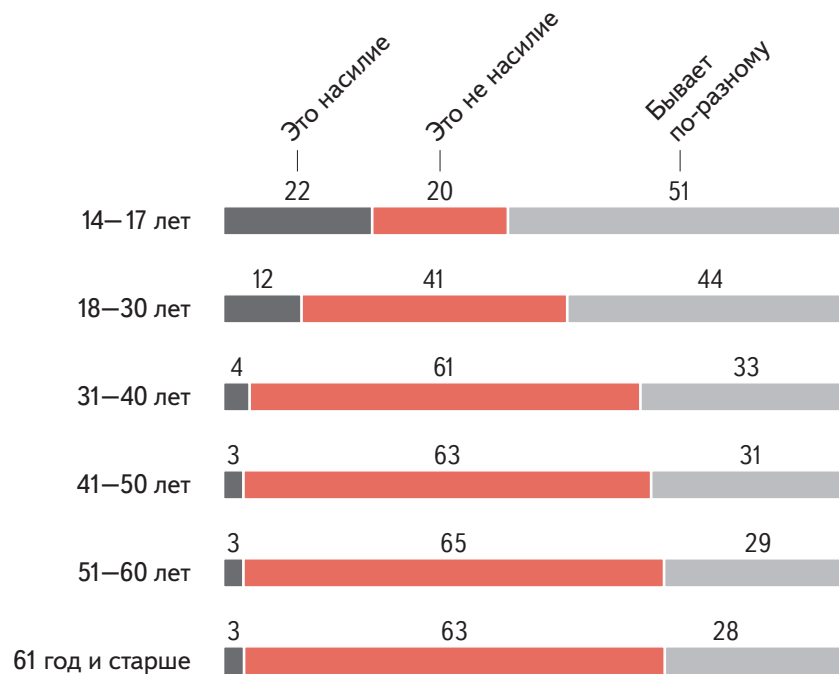

Рисунок 30. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от пола опрошенных, %. Без неответивших

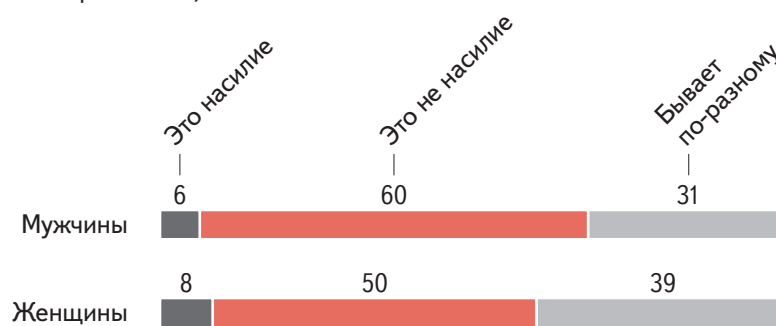

Рисунок 34. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от социального слоя, к которому относят себя опрошенные, %. Без неответивших

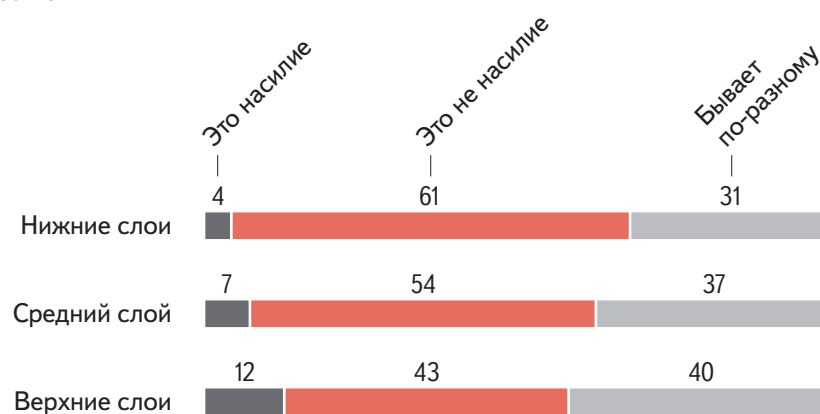
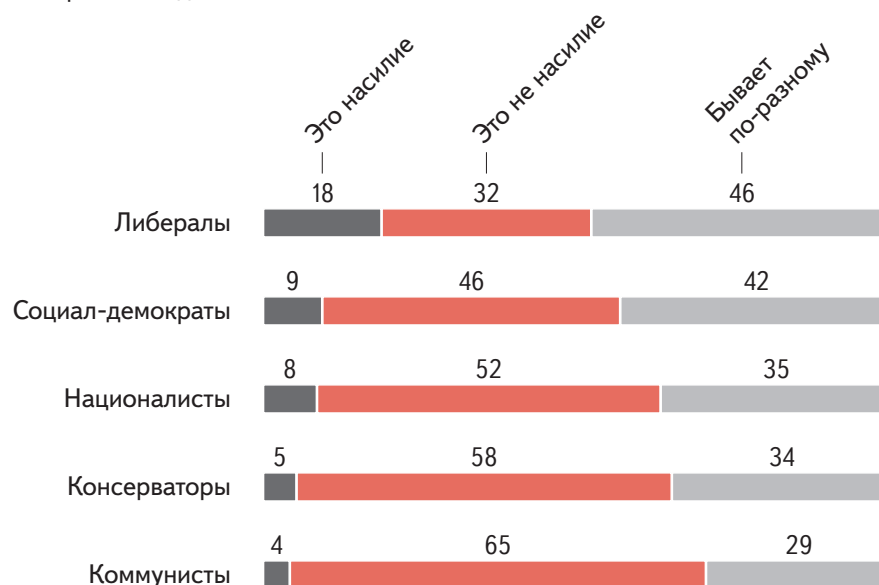

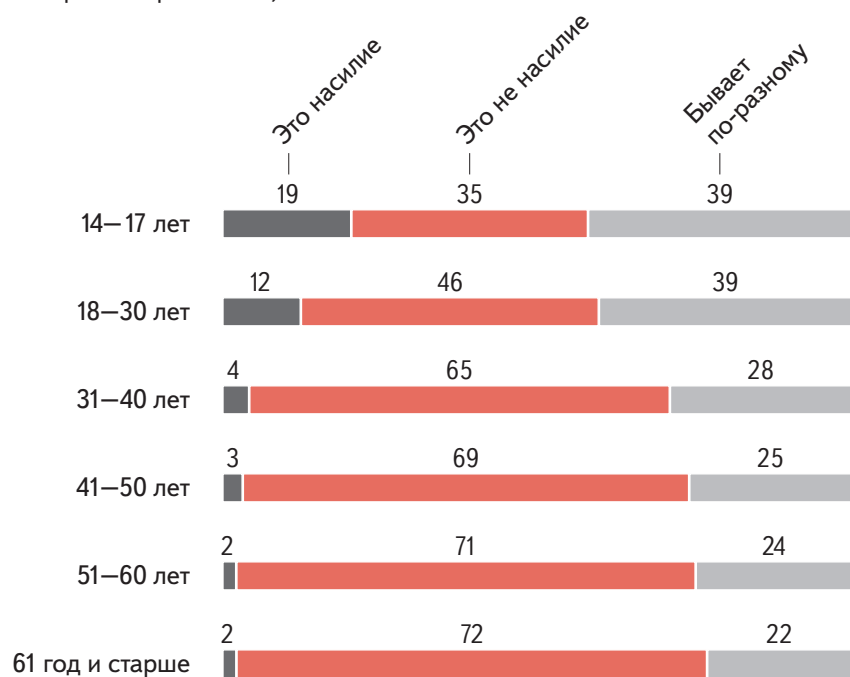
Рисунок 38. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от политической ориентации опрошенных, %. Без неответивших. Упорядочено по возрастанию доли «не насилия»

НАША ВОЙНА

Мнения о «воспитательном насилии»

Рисунок 27. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от возраста опрошенных, %. Без неответивших

Мнения о «сексуальном насилии»

Рисунок 28. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от возраста опрошенных, %. Без неответивших

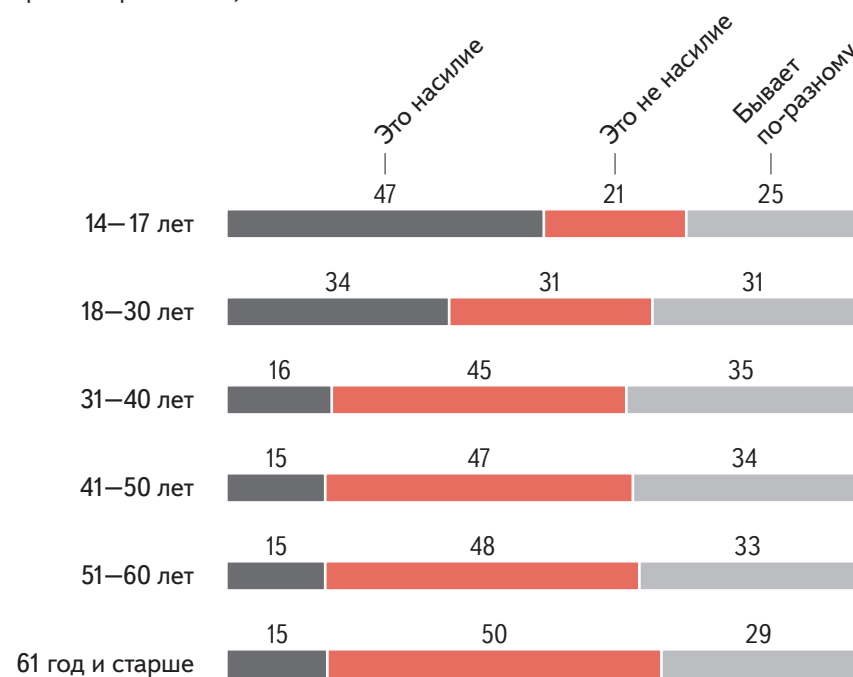

Рисунок 31. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от пола опрошенных, %. Без неответивших

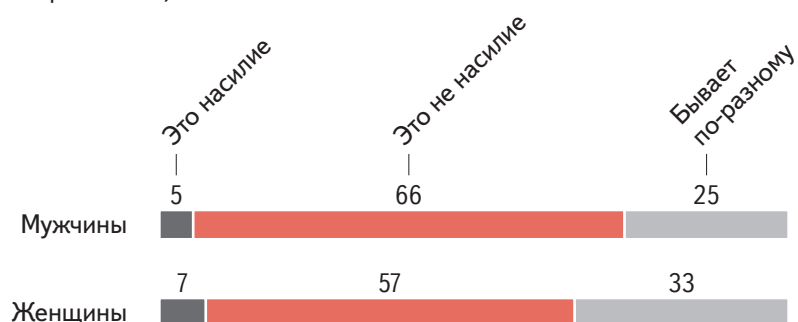

Рисунок 32. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от пола опрошенных, %. Без неответивших

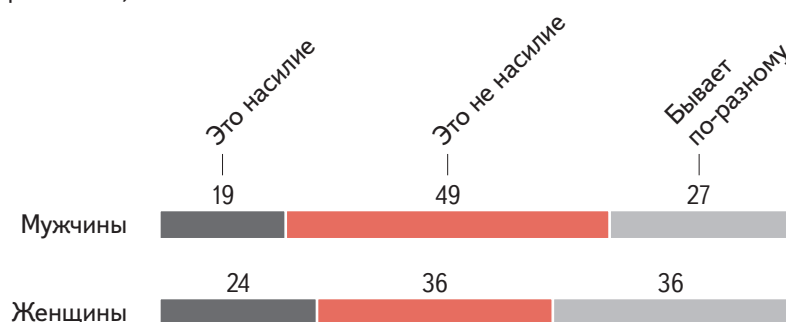

Рисунок 35. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от социального слоя, к которому относят себя опрошенные, %. Без неответивших

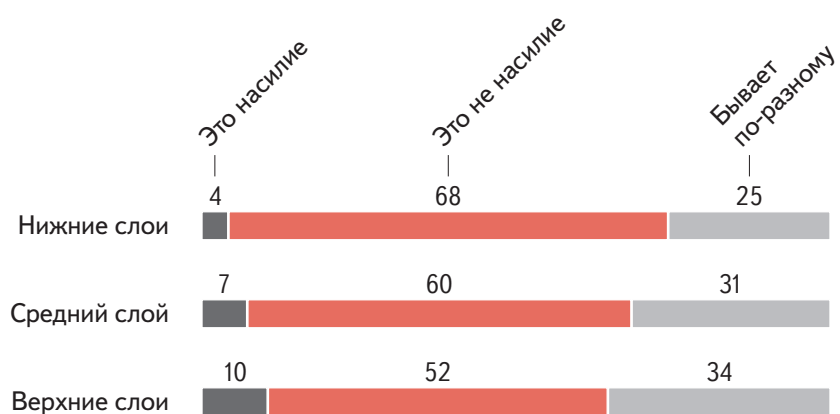

Рисунок 36. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от социального слоя, к которому относят себя опрошенные, %. Без неответивших

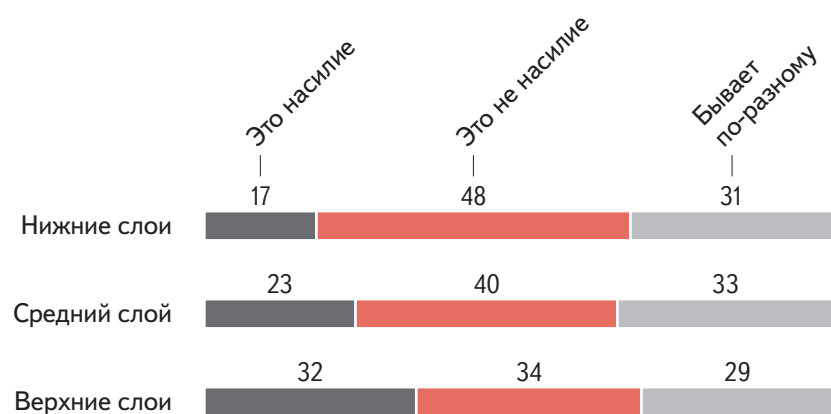

Рисунок 39. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от политической ориентации опрошенных, %. Без неответивших. Упорядочено по возрастанию доли «не насилия»

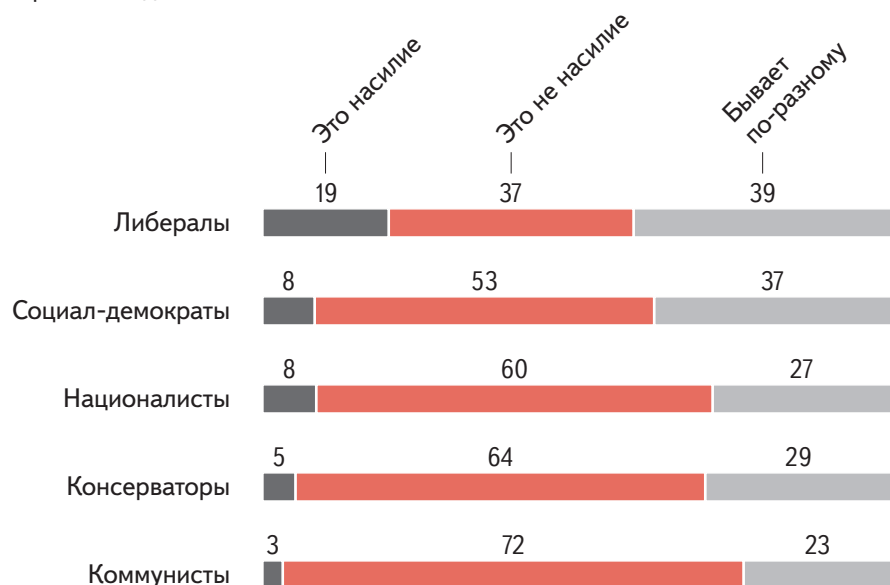
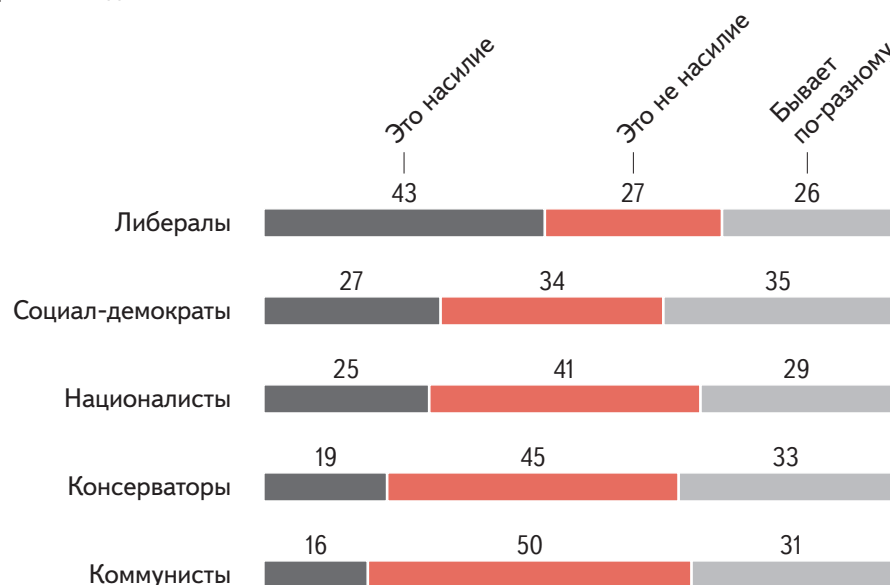

Рисунок 40. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от политической ориентации опрошенных, %. Без неответивших. Упорядочено по возрастанию доли «не насилия»

НАША ВОЙНА

Мнения о «экономическом насилии»

Рисунок 41. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от семейного положения опрошенных, %. Без неответивших

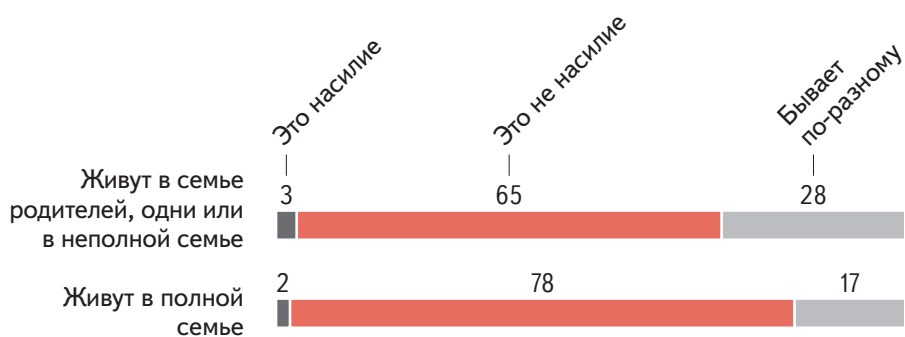

Рисунок 45. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от числа детей (реального или желаемого) у опрошенных, %. Без неответивших

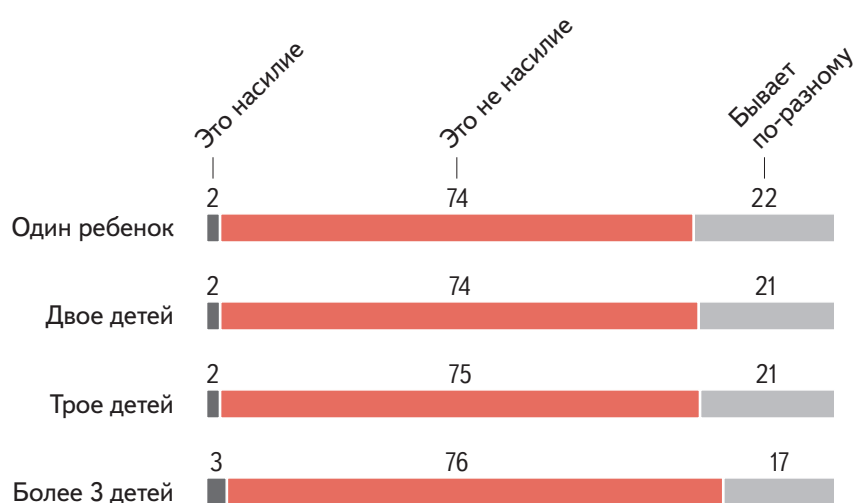

Рисунок 49. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от частоты столкновений опрошенных с семейным насилием в наше время (по вопросу № 13), %. Без неответивших

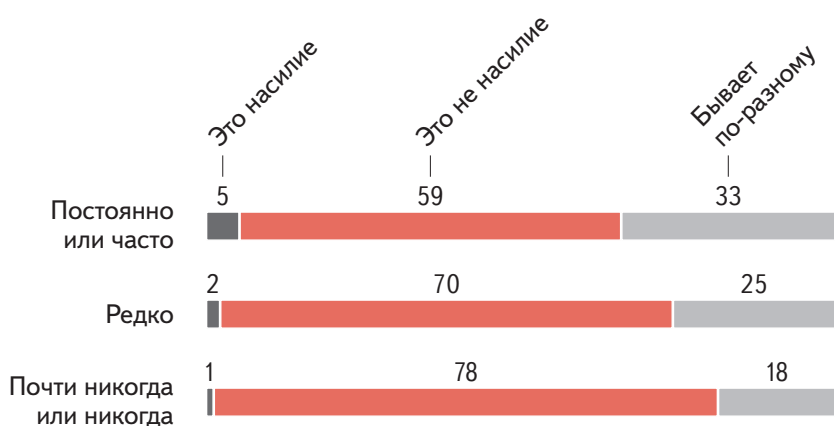
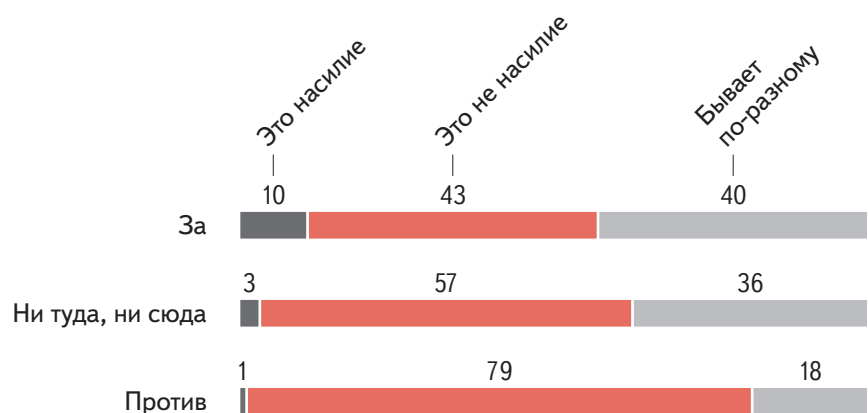

Рисунок 53. Мнения о «экономическом насилии» (по вопросу № 18.1) в зависимости от отношения респондентов к возможному участию НКО в «профилактике семейного насилия» (по вопросу № 17), %. Без неответивших

Мнения о «психологическом насилии»

Рисунок 42. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от семейного положения опрошенных, %. Без неответивших

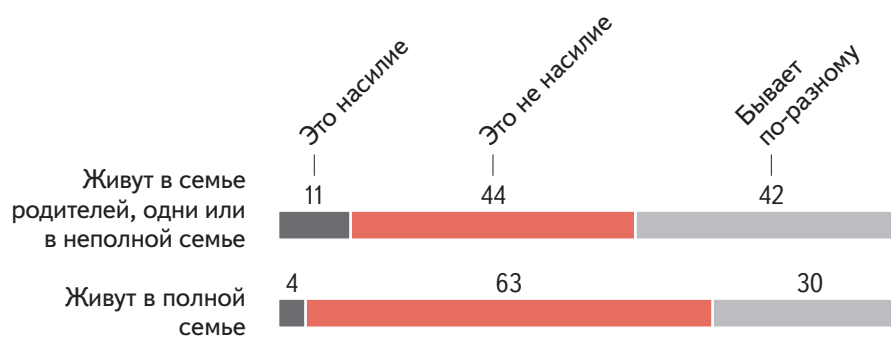

Рисунок 46. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от числа детей (реального или желаемого) у опрошенных, %. Без неответивших

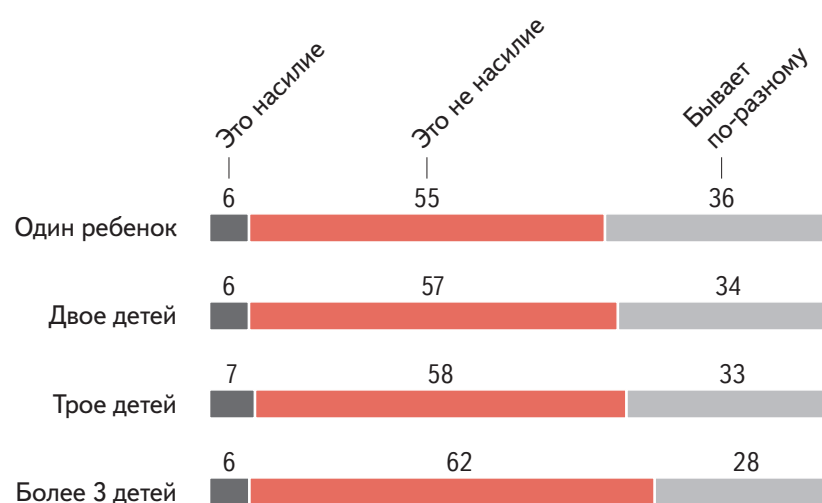

Рисунок 50. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от частоты столкновений опрошенных с семейным насилием в наше время (по вопросу № 13), %. Без неответивших

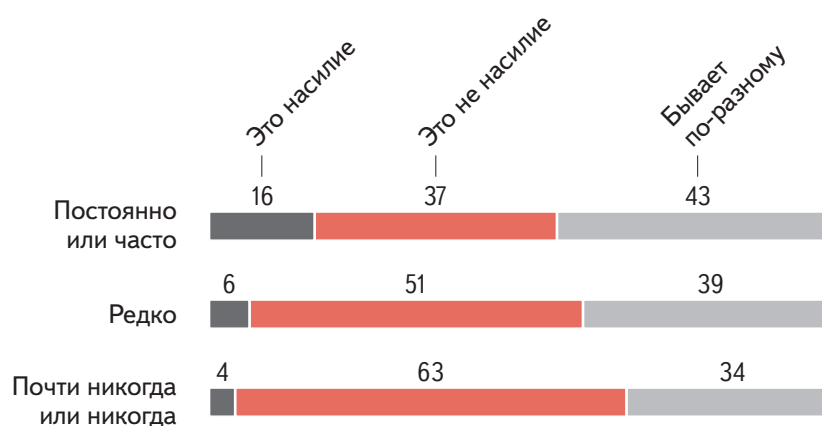
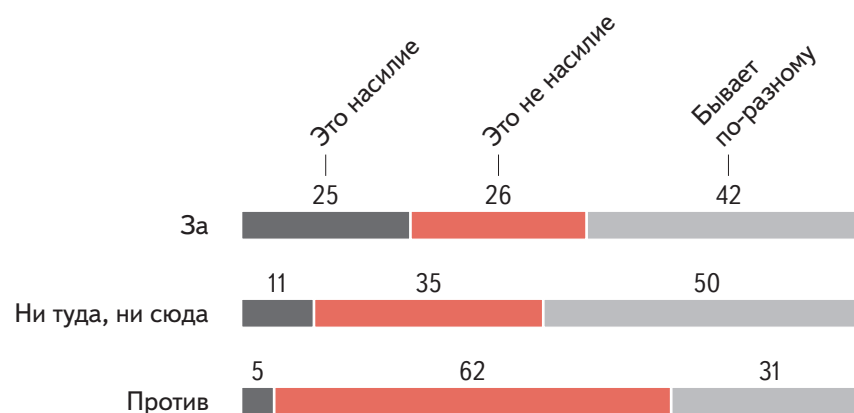

Рисунок 54. Мнения о «психологическом насилии» (по вопросу № 18.2) в зависимости от отношения респондентов к возможному участию НКО в «профилактике семейного насилия» (по вопросу № 17), %. Без неответивших

НАША ВОЙНА

Мнения о «воспитательном насилии»

Рисунок 43. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от семейного положения опрошенных, %. Без неответивших

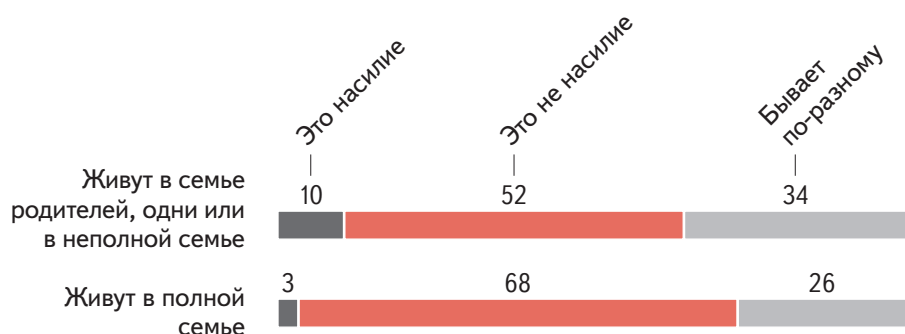

Рисунок 47. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от числа детей (реального или желаемого) у опрошенных, %. Без неответивших

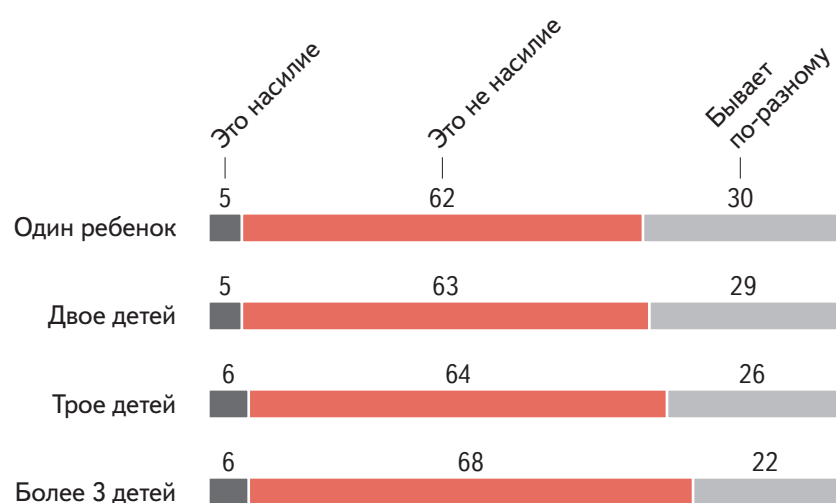

Рисунок 51. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от частоты столкновений опрошенных с семейным насилием в наше время (по вопросу № 13), %. Без неответивших

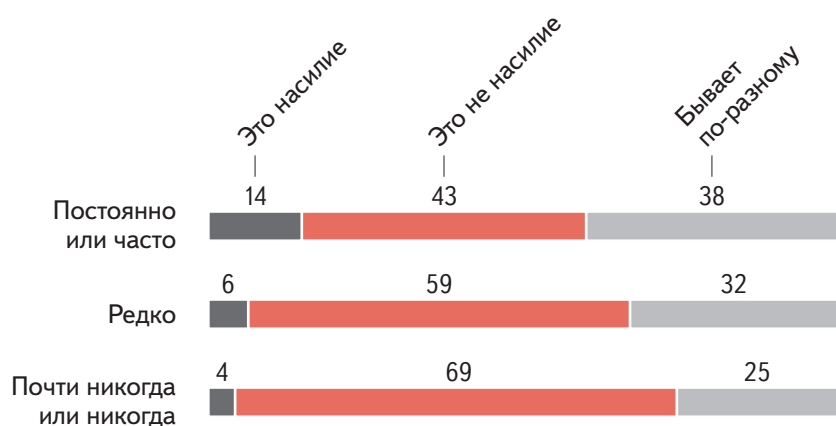
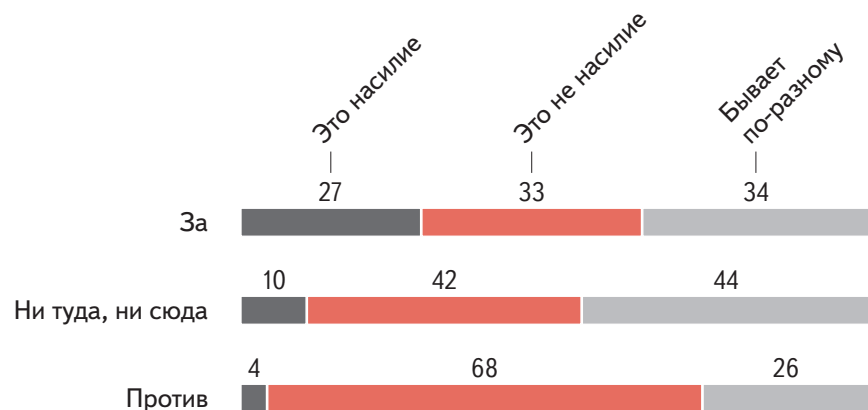

Рисунок 55. Мнения о «воспитательном насилии» (по вопросу № 18.3) в зависимости от отношения респондентов к возможному участию НКО в «профилактике семейного насилия» (по вопросу № 17), %. Без неответивших

Мнения о «сексуальном насилии»

Рисунок 44. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от семейного положения опрошенных, %. Без неответивших

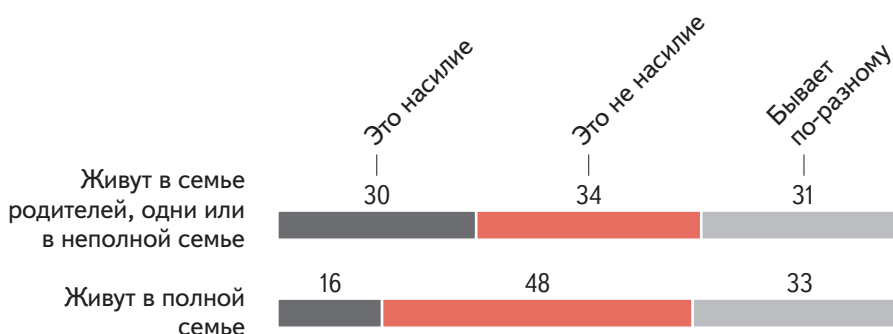

Рисунок 48. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от числа детей (реального или желаемого) у опрошенных, %. Без неответивших

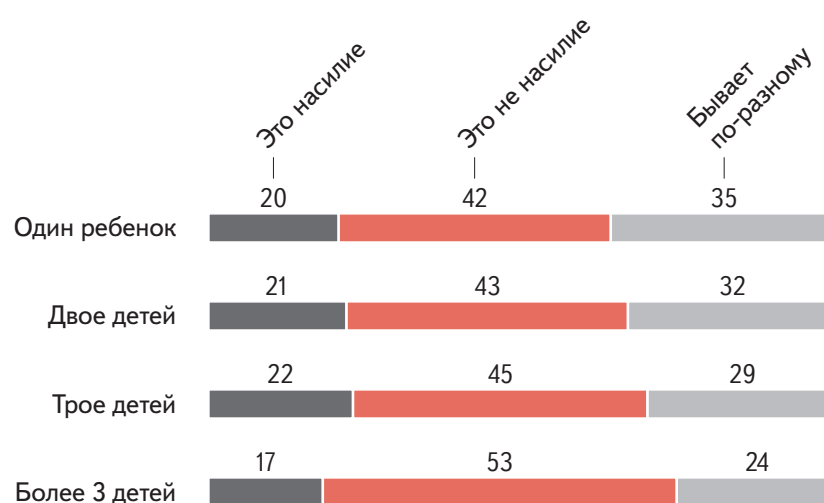

Рисунок 52. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от частоты столкновений опрошенных с семейным насилием в наше время (по вопросу № 13), %. Без неответивших

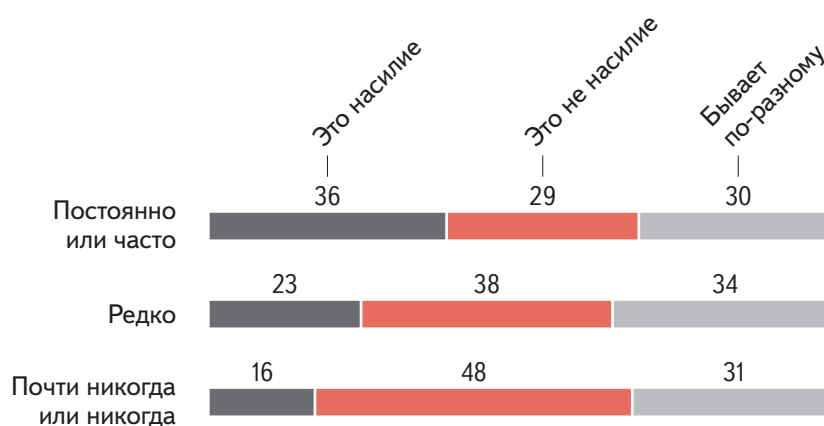
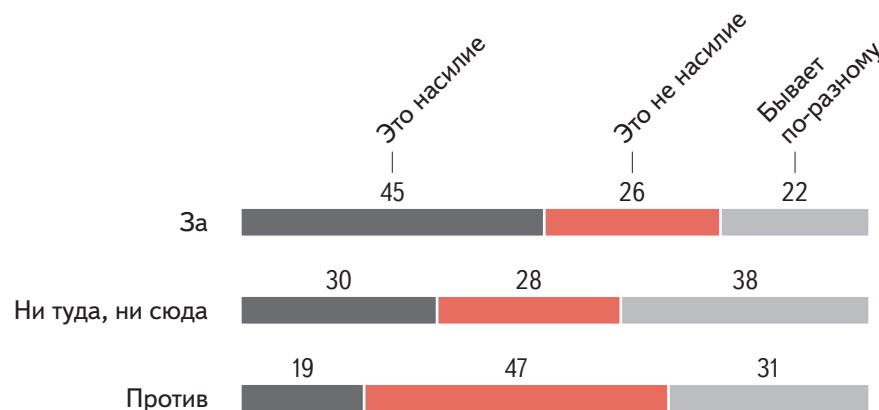

Рисунок 56. Мнения о «сексуальном насилии» (по вопросу № 18.4) в зависимости от отношения респондентов к возможному участию НКО в «профилактике семейного насилия» (по вопросу № 17), %. Без неответивших

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 3–9

Выскажем предположение, что тут дело в наличии государственнической позиции у сторонников обеих политических ориентаций. Государственническая позиция, хочешь не хочешь, несет в себе и представления о возможной защите государства от внешних и внутренних врагов (что без какого-то насилия малопредставимо), и представления о необходимости государством управлять. А любое управление, согласитесь, — это частично насилие, поскольку это умение сделать так, чтобы люди не шли, куда вздумается, и не делали, что придет в голову, а шли, куда нужно, и делали то, что нужно управляющему. В нашем случае — что нужно государству. Государства без управления не бывает (ну как минимум пока не бывало в истории), и если человек — сторонник государства, то, скорее всего, не должен болезненно реагировать на одно только звучание слова «насилие». В общем-то, именно это мы и можем наблюдать в результатах нашего исследования.

Характерно, что представления о насилии значительно отличаются у людей, которые живут с родителями или по разным причинам одни, без семьи, и гражданами, которые живут в полной семье — в браке (рис. 43–46).

Каждый может убедиться, что люди, живущие одни или с родителями, значительно чаще, чем граждане, живущие в полных семьях, склонны расценивать предложенные «виды насилия» как именно насилие, требующее вмешательства общества (хотя тех, кто говорит «это насилие», среди живущих в неполных семьях всё равно меньшинство).

По нашим данным видно, что каким-то образом жизнь в браке и полной семье способствует, так сказать, более взвешенному подходу к пониманию насилия. И в целом это, наверное, естественно: живущий одиноко человек волей-неволей сконцентрирован на себе любимом, потому что больше не на ком. И в связи с этим он, естественно, более внимателен и заботлив к себе, поэтому предложенные «насилия» чаще кажутся ему ужасными и нетерпимыми. Если же человек живет с родителями — ему еще сложнее отвлечься от себя, так как он обязательно является центром или одним из фокусов вселенной его родителей.

Та же самая зависимость наблюдается и между мнениями о насилии и числом детей в семье респондента (рис. 45–48). Чем больше детей у человека, тем реже он склонен всё что попало воспринимать как насилие. А чем меньше детей — тем чаще он готов согласиться считать насилием любые намеки на него. Вероятно, механизм тут примерно такой: больше детей — больше различного жизненного опыта, больше ответственности и меньше «легкости в мыслях необыкновенной», поэтому готовность назначить «насилием» любой чих резко сокращается.

Зависимость представлений человека о насилии от того, насколько часто человек сталкивается с семейно-бытовым насилием в своей семье или в своем окружении (по вопросу № 13), с одной стороны, тривиальна, а с другой — весьма поучительна и полезна для понимания сложности обсуждаемой нами проблемы (рис. 49–52).

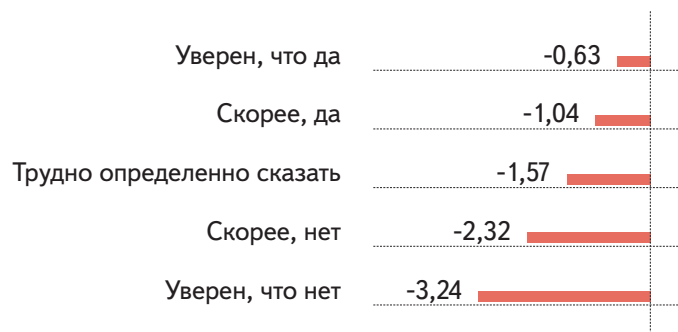
Тривиально то, что чем чаще человек сталкивается с домашним насилием в своей жизни или вокруг себя, тем более он этим вопросом обеспокоен и тем чаще поэтому он склонен оценивать любое поведение как насилие.

Поучительно же то, что если человек склонен, как насилие больший спектр поведения, чем другие люди, то он и «сталкиваться с насилием» будет гораздо чаще, чем другие. То есть это в некотором смысле замкнутый круг: во всем склонен видеть насилие — поэтому буду находить его на каждом шагу — значит, всякое поведение — это насилие — оказываюсь буквально окружен насилием, оно повсюду.

Таблица 7. Генеральное распределение ответов на вопрос № 19 «Как Вы считаете, нужен ли в России вообще такой закон?», %

Варианты ответов	%
Не ответили	2,7
Уверен, что да	10,9
Скорее, да	14,5
Трудно определенно сказать	22,6
Скорее, нет	20,9
Уверен, что нет	28,4

Рисунок 57. Обобщенный индекс по вопросу № 18 в зависимости от мнения респондентов о степени необходимости принятия в России закона «о профилактике семейно-бытового насилия» (по вопросу № 19). Максимально возможное значение индекса равно 4 (если все виды «насилия» признаны таковым), минимальное значение равно -4 (если все виды «насилия» признаны «не насилием»)

Что в этой последовательности восприятий и оценок — курица, а что — яйцо, и что чему предшествует, предлагаю решить читателям.

В нашем исследовании выявилась и зависимость мнений о насилии от отношения к НКО как потенциальному участнику его профилактики (рис. 53–56). Если человек за НКО — он чаще считает различное поведение насилием, если против НКО — реже. В данном случае тоже не вполне понятно, что причина, а что следствие, но связь между этими факторами, очевидно, имеет место.

Тот же замкнутый круг и та же мутная диалектика курицы с яйцом видна и в целом во всех вопросах, касающихся попытки измерить, что же люди понимают под насилием и каким образом это их понимание сказывается на восприятии ими конкретного поведения других людей в реальной жизни. И в целом понятно, что изменение или усиление любого звена цепи неминуемо раскручивает эту спираль «насилия» в описанном замкнутом круге.

Причем не важно, в каком звене произошло изменение: может, насилие вокруг стало больше, а может, обсуждения насилия в СМИ стало больше, а может, кто-то проталкивает некий закон в пользу «социально-ориентированных» НКО, и поэтому из каждого утюга выглядывают клоуны и клоунессы с нарисованными фингалами под глазами и порезами на разных частях тела. Во всех этих случаях результат будет один и тот же: всё больше действий (или бездействия) общество станет именовать «насилием», чувствительность к «насилию» повысится, поэтому «насилия» станет больше, что повлечет за собой еще большее расширение понимания насилия, чувствительность к «насилию» еще возрастет... В общем, на колу мочало, начинай сначала.

Все эти рассуждения — не к тому, что надо замалчивать случаи насилия, или не надо обсуждать насилие в СМИ и т. д. Они просто для понимания, что в человеческом обществе ничто не бывает бесплатно. Например, благородно хочешь искоренить

насилие, поэтому начинаешь его обсуждать на всех углах и даже платишь из собственного кармана за соответствующую информационно-пропагандистскую кампанию... А насилие становится только больше. Человеческое общество — слишком сложная система, чтобы пытаться решить его проблемы (даже из благородных побуждений!) с наскока — это всегда кончается печально.

Такой хоккей нам не нужен!

Перейдем к последнему вопросу — о том, нужен ли, с точки зрения граждан в России, закон, подобный активно продвигаемому законопроекту «о профилактике семейно-бытового насилия». Мы уже приводили основной результат по данному вопросу (табл. 7).

Как легко видеть, практически половина опрошенных (49,3%) считает, такой закон нам, России, не нужен. А что такой закон нужен, считает только четверть респондентов (25,4%), то есть почти в два раза меньше. И еще столько же граждан (25,3%) не имеют определенного мнения по этому вопросу.

Если бы мы жили в государстве по-настоящему демократическом, в котором народ решает, что ему надо, а что нет, а законодатели бы только оформляли и исполняли волю народа, то на этом обсуждение уже поднадоевшего нам законопроекта можно было бы и закончить. Но... мы живем в другом государстве. Поэтому обсудим, от чего зависит мнение граждан о том, нужен нам этот пресловутый закон или нет.

Главное, от чего зависит мнение людей о нужности и своевременности законопроекта, — это их, так сказать, чувствительность к насилию и представления о том, что есть насилие, а что таковым не является. На рис. 57 представлены средние значения обобщенного индекса по вопросу № 18. Индекс считался таким образом: по вопросам 18.1–18.4 для каждого человека считался суммарный показатель: если респондент признавал что-то насилием, требующим общественного внимания, то он получал +1, если не признавал насилием, получал -1, если сомневался или не отвечал, — 0. Затем все оценки по каждому человеку суммировались. Таким образом у каждого респондента получался обобщенный показатель по вопросу № 18, который, как понятно, теоретически мог оказаться в диапазоне от -4 до +4. А затем эти индексы усреднялись в разных группах респондентов.

Каждый может убедиться, глядя на рис. 57, что мнения о нужности в России закона о семейно-бытовом насилии находятся в строгой зависимости от того, как человек понимает насилие. Чем более он чувствителен к насилию (то есть склонен большее число видов поведения считать насилием), тем с большей вероятностью он будет считать, что закон нужен. Чем менее человек чувствителен к насилию (то есть не согласен назначать насилием всё подряд), тем с большей вероятностью он будет считать, что закон не нужен.

Поскольку большинство респондентов (а значит, и большинство граждан России) к тем «видам насилия», о которых пекутся его авторы и лоббисты, оказались не очень чувствительны (обращаем внимание на то, что во всех группах респондентов значение индекса — отрицательное), то и закон представляется гражданам России ненужным.

Вот, собственно, и всё, что следует знать об отношении граждан России к законопроекту «о профилактике семейно-бытового насилия». Как говорится, тут и сказочке конец, а кто слушал — молодец.

Юлия Крижанская

Зинаида Серебрякова. В детской. 1913

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Шкурники, прикрывавшиеся громкими словами, презираемые своими германскими хозяевами и не способные решительно ни на какие действия, сопряженные с необходимостью пожертвовать чем-либо, кроме собственной чести и человеческого достоинства...

Как власовцы «Прагу спасали», или «Неуловимые ковбои Джо» из РОА. Окончание

Рассмотрим подробнее бои советских войск с власовцами у Эрленгофа 13–14 апреля 1945 года.

В 6 часов утра 13 апреля власовская артиллерия обрушила огонь на позиции 415-го пулеметно-артиллерийского батальона. В 6:55 власовцы силами до одного пехотного батальона атаковали правый фланг плацдарма и смогли ворваться в первую траншею, но красноармейцы огнем пулеметов и ручными гранатами отбросили их. В 9:30 власовцы атаковали левый фланг, так же силой до батальона пехоты при мощной артиллерийской поддержке. Им удалось вытеснить из первой траншеи один из взводов 415-го пулеметно-артиллерийского батальона, однако попытки ворваться во вторую траншею советские бойцы остановили ружейно-пулеметным огнем. В течение дня вражеские самолеты атаковали огневые позиции артиллеристов 415-го пулеметно-артиллерийского батальона, а артиллерия 1-й дивизии РОА вела обстрел переправ. Генерал-майор Лихов направил на плацдарм по одной роте от 356-го и 16-го пулеметно-артиллерийских батальонов и усиленный взвод разведроты, благодаря чему советские части уверенно отбили еще четыре атаки, предпринятые власовцами. Ночью наступило затишье, которым командир укрепрайона воспользовался для подтягивания к плацдарму дополнительной артиллерии и подвоза боеприпасов.

В 6:30 утра 14 апреля советские орудия и минометы на плацдарме и на восточном берегу за ним произвели 10-минутный артоналет, после чего бойцы 415-го пулеметно-артиллерийского батальона решительно контратаковали власовцев. Как записано в отчете 119-го укрепрайона, «противник не выдержал нашего стремительного удара и откатился в свое расположение» — то есть, говоря проще, власовцы побежали.

За два дня боев 119-й укрепрайон потерял, согласно его журналу боевых действий, 13 человек убитыми и 23 ранеными, а потери противника оценивались в 350 убитых и раненых. По данным Фрелиха, дивизия Буняченко потеряла 370 человек.

Командир германского 1233-го фанен-юнкерского полка «Потсдам» Фридрих-Вильгельм фон Нотц, подчиненные которого собирали брошенное власовцами при бегстве оружие, высказал по итогу боя суждение, что «русская дивизия имела в то время один лишь интерес — самосохранение».

Власовцы не замедлили дополнительно подтвердить мнение фон Нотца. Близилось советское наступление на Берлин, и войска 1-го Белорусского фронта уже

Жители Праги приветствуют советских военнослужащих на танке Т-34–85. 9 мая 1945

проводили на разных участках масштабную разведку боем. Буняченко отдал приказ вывести части 1-й дивизии РОА с передовой. Власовец Артемьев вспоминал: «Солдаты и офицеры немецких частей с недоумением смотрели на отходящие русские полки, не понимая, что происходит <...> Наступившая темнота дала возможность отвести части, участвовавшие в бою, незаметно для советских войск. Генерал Буссе был ошеломлен действиями дивизии. Он не мог допустить такого грубого нарушения своего боевого приказа и столь дерзкого неповиновения со стороны генерала Буняченко, а поэтому и не был готов к противодействию».

Буняченко как чуял, когда следует покинуть неудобную передовую, — 16 апреля началась Берлинская операция. Осознавая, что попадание под каток советского наступления несовместимо с главным интересом власовцев, Буняченко принял решение вывести свою дивизию на соединение с остальными силами РОА.

Стресс от неподобающего передовикам идеологической борьбы участия в боевых действиях обеспечил 1-й власовской дивизии прилив энергии — всего за два дня соединение преодолело свыше 100 километров и остановилось на отдых в районе Клеттвица.

На следующий день в расположение дивизии Буняченко прибыли германские офицеры, передавшие приказ занять оборону на новом участке фронта, на что Буняченко незамедлительно потребовал предоставить ему Власова. Офицеры вер-

махта удовлетворить требование Буняченко не смогли, поскольку, по их словам, Власов в это время занимался «важными русскими вопросами». Завершился разговор длинной тирадой командира 1-й дивизии РОА, грозно пообещавшего нацистам: «Помните, что мы безжалостно будем истреблять на своем пути все препятствующее нам!»

Спустя день власовцы, самовольно пополнив свои запасы из расположенных неподалеку германских складов, продолжили свой поход прочь от фронта. В пути дивизия встретила с 4-м пехотным полком, и уже вместе войска Буняченко 23 апреля достигли Дрездена, в окрестностях которого снова остановились на отдых.

Так 1-я дивизия РОА вышла из полка группы армий «Висла» и попала в зону группы армий «Центр». Командующий группы армий «Центр» Фердинанд Шернер сразу обратил внимание на неожиданных гостей и приказал им занять оборону на подступах к Дрездену. Буняченко оживленно отказался и в 2 часа ночи 24 апреля повел дивизию дальше на юг. По свидетельству власовца Артемьева, «накануне вечером в 12 километрах от расположения дивизии разведкой были обнаружены советские танки. Времени терять было нельзя, необходимо было двигаться вперед, и как можно скорее». Очевидно, после событий у Эрленгофа одно известие о появлении красных войск в округе придавало власовцам сил для движения прочь.

Вот только возле Бад-Шандау на пути представителей «третьей силы» возникло

препятствие — река Эльба. Мост через реку был заминирован, и командир германского заслона запретил проход по нему. В принципе, 1-я дивизия РОА вполне могла просто раздавить этот заслон, однако, как заметил Артемьев, «самое же незначительное столкновение привело бы к началу больших боевых действий, которых дивизия, несмотря на свою готовность, хотела благоразумно избежать». Проще говоря, даже с горсткой германских солдат власовцы вступить в бой боялись. Но Буняченко нашел выход из положения и попросил хотя бы дать переправить на другой берег медсанбат. Германский командир поддался на уговоры и приказал разминировать проход, по которому вслед за медсанбатом тут же двинулась вся дивизия. Сбитые с толку солдаты заслона сопротивлению оказывать не стали.

Заслонившись Эльбой от красной угрозы, Буняченко снова предоставил своим людям отдых. И тут прибыл еще один германский связной офицер, предложивший Буняченко приехать к Шернеру. Командир 1-й дивизии РОА попросил передать командующему группой армий «Центр», будто повредил себе ногу в автомобильной катастрофе, а посему приехать, к своему глубочайшему сожалению, не может.

Вскоре вокруг наслаждавшейся отдыхом в весенних горах 1-й власовской дивизии начали сосредотачиваться эсэсовские части. Утром 25 апреля Буняченко поднял дивизию по тревоге и проделал еще один 30-километровый переход, достигнув района к западу от Дечина. Двигаться дальше не позволяло почти полное исчерпание припасов — топливо для автотранспорта и бронетехники выгорело полностью, а фуража и продовольствия оставалось на одни сутки.

26 апреля дивизию посетил начальник штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенант Ольдвиг фон Натцмер, передавший требование Шернера принять участие в боевых действиях против Красной Армии в районе Брно. Натцмер также сообщил, что Шернер обещал дивизии Буняченко плохие последствия в случае отказа подчиниться.

Буняченко, похоже, все больше нравилось давать гитлеровцам обещания и затем нарушать их, так что он заявил о принятии требований Шернера. Натцмер незамедлительно написал приказ о выдаче 1-й дивизии РОА всех необходимых для марша припасов. Разумеется, держать слово Буняченко не собирался, и дивизия дви-

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Окончание. Начало — на стр. 15

нулась не в сторону Брно, а дальше на юг. 27–28 апреля власовцы преодолели еще 120 километров.

28 апреля в расположение дивизии на самолете прибыл Шернер в сопровождении нескольких офицеров и... Власова.

Командующий группой армий «Центр», несмотря на его ставшую легендарной в вермахте безжалостность, снижавшую ему у германских солдат и офицеров прозвище Кровавый Фердинанд, с Буняченко разговаривал весьма вежливо и только осведомился, какой план у командования 1-й власовской дивизии. А вот Власов обрушился на Буняченко с упреками и заявил о необходимости беспрекословного подчинения Шернеру. Теперь Буняченко посчитал излишним сдерживаться и заявил, что никакой РОА не существует, дивизией командует не Власов, а он, и он будет действовать по своему усмотрению. Шернер, выслушав эту тираду, счел за лучшее покинуть «третью силу» вместе с остальными германскими офицерами.

После этого 1-я дивизия РОА с присоединившимся к ней Власовым двинулась далее вглубь Чехословакии. Теперь власовцы надеялись поскорее сдать в плен американцам. При этом они старались лишним раз не попадаться на глаза гитлеровцам, и потому первоочередной своей задачей видели как можно большее отдаление от советско-германского фронта.

Тем временем в Чехии стихийно развивались непредвиденные события. Крах Третьего рейха фактически стал свершившимся фактом. В этой ситуации коллаборантское правительство образованного в 1939 году на территории Чехии протектората Богемии и Моравии разрешило чехам вывешивать на улицах национальные флаги, очевидно, в надежде на снисхождение со стороны стран Антигитлеровской коалиции. Чехи же, начав с вывешивания своих флагов, быстро перешли к срыванию флагов нацистских, а также уничтожению вывесок и указателей на немецком языке. Начались стычки между чехами и германскими войсками.

В Праге представители антифашистского Чешского национального совета посчитали необходимым в последние дни войны показать всему миру, что и в Чехии есть движение Сопротивления, и начали восстание. К восстанию примкнули и власти протектората, еще недавно исправно служившие Гитлеру, — утром 5 мая премьер-министр протектората Рихард Бинерт призвал всех присоединиться к повстанцам.

К вечеру того же дня чехи фактически выбили гитлеровцев из Праги, и германское командование решило пойти на переговоры, чтобы выиграть время на стягивание войск. Немцам необходимо было подавить восстание в Праге, чтобы обеспечить себе отход на запад для сдачи в плен американским или британским армиям.

В ночь на 6 мая усиленные германские части вновь ворвались в Прагу и завязали ожесточенные бои с повстанцами. Чехи стали призывать на помощь всех, кого только можно, — и Красную Армию, и американцев. Также повстанцы отправили эмиссаров и в 1-ю дивизию РОА, воззвав к «славянской солидарности».

2 мая 1945 года, когда выступления чехов против гитлеровцев только-только начинались, германский комендант Праги

генерал пехоты Рудольф Туссен отправил 1-й дивизии РОА ультимативный приказ: «Если дивизия уклонится от в свое время предписанной дороги и уклонится от поставленной ей с этим задачи — то против дивизии будет применена вооруженная сила».

Феноменальная интуиция, позволившая Буняченко ретироваться с фронта на Одере аккуратно перед началом Берлинской операции, теперь подсказала ему, что угрозы Туссена совершенно серьезны, а потому власовцы двинулись на Прагу. Вместе с тем Буняченко понимал, что едва ли американцы станут принимать в свой плен тех, кто буквально перед самой сдачей принял участие в нацистской карательной акции, а потому «на всякий случай» сообщил чешским делегатам, что «при крайней необходимости» поддержит повстанцев.

Вечером 5 мая передовые части 1-й дивизии РОА добрались до Праги, а на следующий день к чехословацкой столице подступила основная масса власовцев. Общая численность германских войск в районе не превышала 10 тысяч человек, тогда как в рядах повстанцев сражалось более 30 тысяч. В этих условиях 20 тысяч коллаборационистов не побоялись вступить в бои против своих хозяев.

Тогда же, 6 мая 1945 года, власовцы узнали, что американцы не собираются двигаться восточнее разграничительной линии, установленной по договоренности с советским командованием. Это означало, что, оставаясь в Праге, власовцы оказались бы в окружении приближавшихся соединений Красной Армии. И тогда офицеры 1-й дивизии РОА начали торопливо искать возможности выхода из боевых действий.

7 мая к власовцам прибыл германский офицер с письмом от Туссена, имевшим следующее содержание: «В этот трудный момент, когда вы, власовцы, и мы должны объединяться против нашего общего врага — коммунизма, вы повернули оружие против нас. Считаю это недоумением и прошу вас прекратите боевую активность против нас. Завтра, 8 мая, Прага будет очищена от чешских повстанцев». Таким образом, Туссен фактически предлагал замять случившийся конфликт, чем Власов и Буняченко не преминули воспользоваться.

Поклонники Власова часто утверждают, что причиной отхода 1-й дивизии РОА из Праги стало сообщение чешского радио: «Чешский Национальный Совет заявляет, что действия генерала Власова против немецких войск являются личным делом этих частей, а Чешский Национальный Совет не имеет с ними никакого политического соглашения». Но это заявление явно стало для власовцев лишь поводом для того, чтобы покинуть Прагу. Очевидно, что вступление дивизии Буняченко в бои против германских войск было спровоцировано ультиматумом Туссена от 2 мая, и примирительное письмо коменданта коллаборационистов восприняли с облегчением. Да и 6–7 мая власовцы зачастую не сражались против германских подразделений, а, пользуясь германским обмундированием, внезапно окружали и разоружали неготовых к такому повороту событий немцев. При этом, как признает тот же Ауски: «РОА не сдавало трофейного оружия чешским повстанцам».

8 мая 1-я власовская дивизия покинула Прагу, оставив повстанцев сражаться против гитлеровцев.

Таким образом, утверждения об освобождении Праги от оккупантов власовцами являются откровенной ложью. В действительности столицу Чехословакии освободила Красная Армия и союзные ей вооруженные силы.

6 мая к Праге с северо-запада устремились войска 1-го Украинского фронта и оперативно подчиненной ему 2-й армии Войска Польского. Навстречу им с юго-востока двинулся 2-й Украинский фронт маршала Родиона Малиновского и действовавшие вместе с ним 1-я и 4-я румынские армии. А с востока теснили группу армий «Центр» армии 4-го Украинского фронта генерала Андрея Еременко вместе с 1-м чехословацким армейским корпусом. Силы Красной Армии и ее союзников быстро сужали оперативный мешок, в котором оказалась группировка генерал-фельдмаршала Шернера, а в Праге танковым армиям 1-го и 2-го Украинских фронтов предстояло завязать горловину этого мешка, закрыв нацистам путь на запад.

В ночь на 9 мая 3-я и 4-я Гвардейские танковые армии, возглавляемые генерал-полковником Павлом Рыбалко и генерал-полковником Дмитрием Лелюшенко, совершили 80-километровый марш-бросок и вступили на улицы Праги, охваченные боями между чешскими повстанцами и гитлеровцами. Германские солдаты и офицеры сражались в городе с особым ожесточением, поскольку понимали, что только через Прагу у группы армий «Центр» еще оставалась хотя бы зыбкая возможность прорваться на запад.

Вскоре в столицу Чехословакии вступили и подвижные соединения фронтов Малиновского и Еременко. К исходу дня Прага была освобождена от оккупантов. Кольцо вокруг группы армий «Центр» замкнулось.

Хотя Шернер фактически отказался следовать акту о безоговорочной капитуляции, окружение повалило на его солдат, начавших в массовом порядке складывать оружие: например, 1-й Украинский фронт за 5–8 мая захватил в плен только 2002 германских солдата и офицера, а с 9 по 12 мая — целых 256 659. Тем не менее некоторые германские части не сложили оружия и после 9 мая, и еще многие бойцы Красной Армии полегли в Чехословакии. Безвозвратные потери советских войск в ходе Пражской операции составили 11 265 человек, чехословацкие, польские и румынские войска безвозвратно потеряли 112, 300 и 320 человек соответственно.

Утром 10 мая бежавшие от Праги власовцы встретились-таки с американскими подразделениями. Однако американцы потребовали от Буняченко разоружить дивизию, и ему пришлось подчиниться. Один из власовцев так передавал свои впечатления от обманутых ожиданий: «Американцы принесли РОА как сдавшихся в плен. На ртуть оставалось по 10 винтовок. Офицеры, впрочем, оставались при оружии. Нам был дан срок в 36 часов, в течение которого в штаб 11-й дивизии должны прибыть девять наших офицеров для окончательной сдачи наших частей. В течение этих 36 часов американцы прекращают всякие военные действия против нас. Никакой гарантии о нашей

дальнейшей судьбе дано не было: эта судьба будет решаться в Вашингтоне политиками».

Попытки отдельных власовских частей пройти в союзную зону американцы пресекали выдвиганием танковых заслонов.

11 мая вблизи расположения власовской дивизии показались и первые советские танки. К тому времени другие контингенты власовцев (недоформированные 2-я и 3-я дивизии и еще ряд частей и служб общей численностью 25 тысяч человек), оказались в союзной зоне и были захвачены американцами в плен.

Утром 12 мая Буняченко отдал приказ распустить дивизию и переходить в союзную зону мелкими группами и поодиночке. Впрочем, к тому времени многие власовцы уже предпочли добровольно сдать Красной Армии — таких набралось 3–4 тысячи всего за одну ночь.

В тот же день командир мотострелкового батальона 162-й танковой бригады 25-го танкового корпуса капитан Михаил Якушов при содействии власовского офицера Петра Кучинского и личного шофера Власова Ильи Комзолова захватил самого «командующего» РОА и «председателя» КОНР, пытавшегося пробраться в американскую зону.

В конце мая 1945 года американцы начали выдавать и власовцев, оказавшихся на занятой ими территории.

На этом история Русской освободительной армии закончилась.

Описывая коллизии бегства от боев «доблестной» РОА, столь искусным маневрировавшей между фронтами, сложно не вспомнить известный анекдот про «неуловимого» американского ковбоя:

— Вон скачет неуловимый ковбой Джо...

— А почему он неуловимый?

— Да потому что он никому на фиг не нужен...

Нельзя сказать, что РОА на последнем этапе войны совсем была не нужна своим немецким покровителям, однако толку от нее было, так сказать, как от козла молока. Тем смешнее сегодня читать про власовцев, «освободивших Прагу»...

Вот такие они были на деле, «борцы за свободу России от большевистского ярма». Шкурники, прикрывавшиеся громкими словами, презираемые своими германскими хозяевами и не способные решительно ни на какие действия, сопряженные с необходимостью жертвовать чем-либо, кроме собственной чести и человеческого достоинства. Очевидно, что ближайшей целью прославления подобных персонажей, откровенно навязываемого сегодня в купе с принижением подвига советского солдата и приравниванием коммунизма к фашизму, является превращение русского народа в тех самых russische Schweinen. Долговременным же результатом такого глобального переверстывания добра и зла, черного и белого, такого позорного надругательства над подвигом и жертвами миллионов может стать лишь одно — возвращение мира к новым формам антигуманизма и фашизма.

Филипп Попов

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ №
№ 364 (364) от 12.02.2020
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8000, цена свободная

ISSN 2500-0330

